

P-552-o.v.

П. Риттеръ.

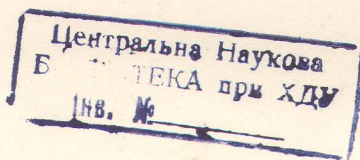
Т. IV
3713

„Облако-вѣстникъ“ (Megha-dûta)

древне-индiйская элегiя Калидасы.

226796

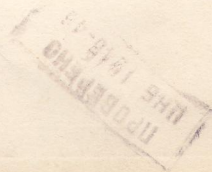
1315
2197

ХАРЬКОВЪ.

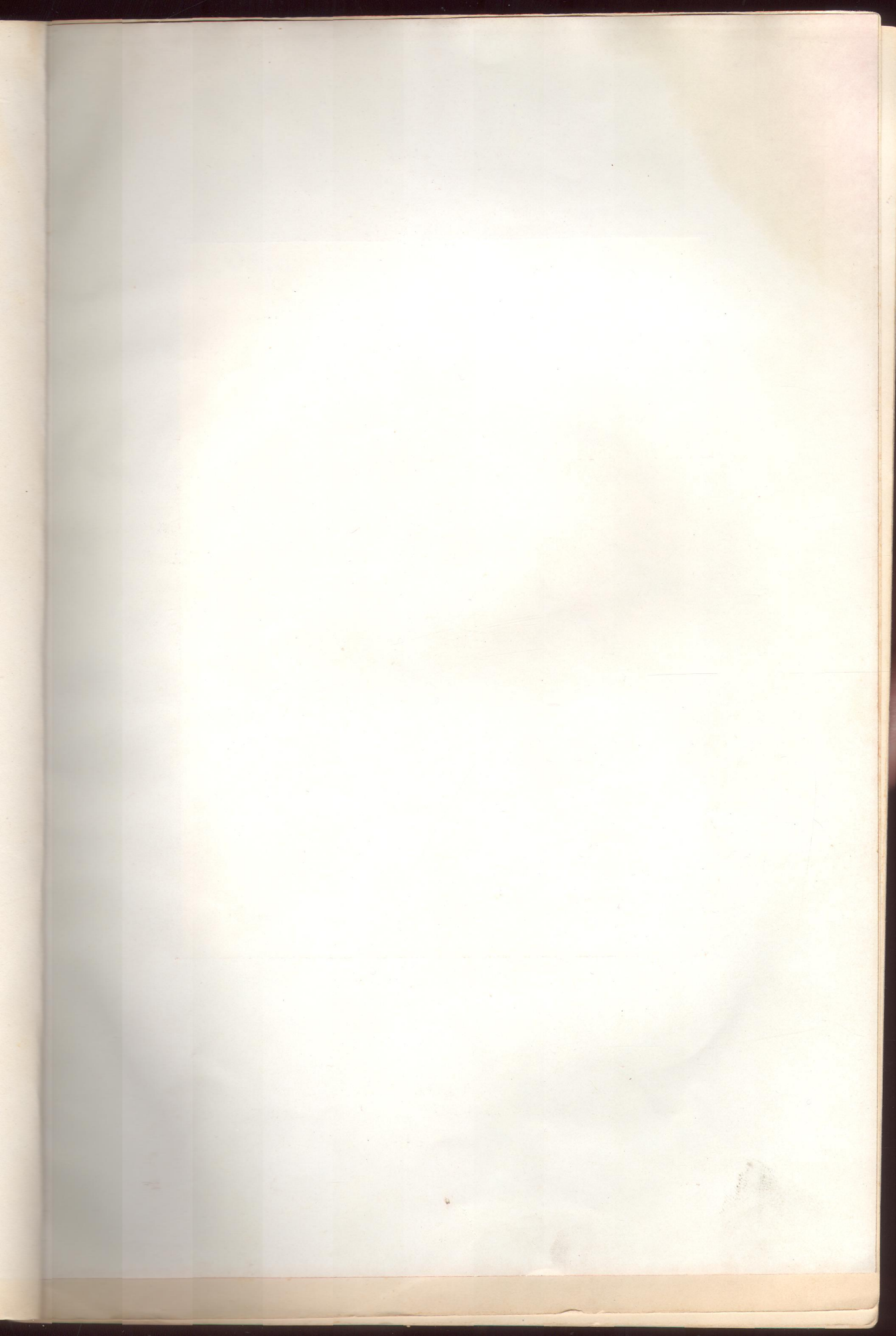
Типографiя „Печатное Дѣло“, Конторская, Клещевскiй пер., соб. д. № 3.

1914.

59

Отдѣльные оттиски изъ Сборника Харьковскаго Историко-Филологическаго
Общества въ честь проф. В. П. Бузескула.

„Облако - вѣстникъ “(Megha - dūta)

древне-индiйская элегiя Калидасы.

Ἀένας: Νεφέλαι,
ἀρθῶμεν φανεραὶ
δροσερὰν φύσιν εὐάγγητον,
πατρός ἀπ' Ὠκεανοῦ βαρυχέος
ὕψηλῶν ὄρεων κορυφὰς ἐπὶ
δενδρόκομους, ἵνα
τηλεφανεῖς σκοπιάς ἀφορώμεθα
καρπούς τ' ἀρδομένην θ' ἱερὰν χθόνα
καὶ πόντον κελάδοντα βαρύβρομον.

Аристофанъ. Облака. ст. 275—284.

I am the daughter of earth and water
And the nursling of the sky:
I pass through the pores of the ocean and shores,
I change, but I cannot die.

P. B. Shelley. The cloud. st. VI.

Eilende Wolken, Segler der Lüfte!
Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte!
Grüßet mir freundlich mein Jugendland!
Jeh bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach, ich hab' keinen andern Gesandten
Frei in Lüften ist eure Bahn...

Schiller. Maria Stuart. III, 1.

Komm mit nach Indien, nach dem Sonnenlande,
Wo Ambrablüten ihren Duft verbreiten,
Die Pilgerscharen nach dem Ganges schreiten
Andächtig und im weissen Festgewande.

Heine. Neue Gedichte.

I.

Калидаса, его время и произведения.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ ¹⁾ въ 1813 г. Уильсонъ, одинъ изъ первыхъ и выдающихся европейскихъ ученыхъ — пионеровъ на начавшемъ тогда открываться обширнѣйшемъ поприщѣ индологiи, впервые издалъ въ Калькуттѣ санскритскiй текстъ поэмы Калидасы «Megha-dūta», снабдивъ его красивымъ стихотворнымъ переводомъ

¹⁾ Предлагаемый этюдъ и переводъ закончены авторомъ лѣтомъ 1913 г., а рукопись сдана 2 октября. Нѣкоторыя новѣйшія библиографическія указанія добавлены уже въ корректурѣ.

и обстоятельными примѣчаніями, не утратившими и до сей поры своего значенія. Съ Калидасой, этой «жемчужиной всѣхъ поэтовъ», какъ назвала его индійская традиція, Европа познакомилась отчасти немного раньше: въ 1789 г. его драма «Сакунтала» появилась въ англійскомъ переводѣ Джонса, а черезъ два года въ нѣмецкомъ Фёрстера, и была привѣтствована знаменитымъ четверостишьемъ самого Гёте ¹⁾, откликнувшася весьма сочувственно и на переводъ «Мегха-дуты» ²⁾. Съ тѣхъ поръ «Облако-вѣстникъ» ³⁾, этотъ элегическій и въ то же время страстный монологъ въ 120 стансахъ, сочетающій причудливую фантастику съ реализмомъ географическаго описанія маршрута отъ центральной Индіи до подножья Гималаевъ, выдержалъ много изданій и у себя на родинѣ, и въ Европѣ, переведенъ на разные языки ⁴⁾, но русскаго перевода дождался лишь теперь въ годъ этого «столѣтняго юбилея», который можно приурочить и къ другой, несравненно болѣе внушительной «юбилейной» датѣ, выраженной впрочемъ въ круглыхъ цифрахъ съ обычной для индійской хронологіи степенью приближенія: *полторы тысячи лѣтъ* со времени жизни самаго Калидасы, относимаго по преобладающему теперь мнѣнію изслѣдователей къ царствованію Чандрагупты II Викрамадитыи, приурочиваемому на основаніи эпиграфическихъ и нумизматическихъ данныхъ къ 375—413 г. по Р. Х. ⁵⁾.

1) Willst du die Blüte des frühen, die Früchte des späteren Jahres,
Willst du, was reizt und entzückt, willst du, was sättigt und nährt,
Willst du den Himmel, die Erde mit *einem* Namen, begreifen,
Nenn'ich, Sakontala, dich, und so ist alles gesagt.

2) Und „Meghaduta“ den Wolkengesandten,
Wer schickt ihn nicht gerne den Seelenverwandten?
(Zahme Xenien, 2-te Reihe)

„Der englische Übersetzer des Wolkenboten ist gleichfalls aller Ehren wert; denn die erste Bekanntschaft mit einem solchen Werke macht immer Epoche in unserm Leben“ (West-östlicher Diwan. Noten und Abhandlungen).

3) Предположеніе Макдонелля (History of sanscrit literature, London. 1900 p. 335), будто обращеніе къ облакамъ въ «Маріи Стюартъ» написано подъ вліяніемъ элегіи Калидасы, опровергается тѣмъ фактомъ, что трагедія Шиллера была поставлена въ Веймарѣ еще 17 июня 1800 г.

4) Изъ нѣмецкихъ переводовъ лучшіе—стихотворный Макса Мюллера (1847) и прозаическій Шютца (1858). Изящной французской прозой перевелъ Геринё (Le langage messenger, traduit par A. Guérinot. Paris. 1902).

5) V. Smith. Early history of India. 2 (Oxford. 1908), p. 287. Macdonell. l. c. p. 320—5. Pischel. Die altindische Literatur, s. 202 (Die Kultur der Gegenwart I, 7. Berlin-Leipzig 1906). Collins. The geographical data of the Raghuvansa and Daśakumaracarita. (Leipzig, 1907) p. 48.

Послѣ царствованія Ашоки Великаго (272—232 до Р. Х.), этого буддистскаго Константина Великаго или вѣрнѣе апостола Павла ¹⁾, славнѣйшаго представителя династіи Маурья, основанной его дѣдомъ Чандрагуптой (Σανδρόκυπτος), ²⁾, современникомъ Александра Македонскаго, прекратившейся въ 184 до Р. Х., эпоха династіи Гупта (IV—VI в. по Р. Х.), снова объединившей значительную часть Индостана подъ властью того же царства Магадха съ его славной столицей Паталипутрой (Παλιβούρα, нынѣ Патна), гдѣ Чандрагупта Маурья въ 302 г. принималъ грека Мегасѣена въ качествѣ посла отъ Селевка Никатора, эта эпоха, слывшая въ народномъ преданіи подъ именемъ «золотого вѣка царя Викрамадитьи», является пожалуй самой блестящей въ исторіи индійской литературы и культуры, о которой имѣются къ счастью и драгоценныя свѣдѣнія китайскаго пилигрима, буддиста Фа-Хіена, пробывшаго въ Индіи 405—411 г. по Р. Х. Если обширныя территоріальныя завоеванія, поэтическое отраженіе которыхъ усматривается въ IV пѣсни поэмы Калидасы «Raghu-vamśa» (Родъ Рагху, Династія Рагхуидовъ), прославили второго монарха этой династіи Самудра-Гупту (326—375), то культурный расцвѣтъ и золотой вѣкъ санскритской литературы совпадаютъ съ царствованіемъ его сына Чандра-Гупты II, носившаго также почетный титулъ Викрамадитьи (Vikramāditya т. е. Солнце отваги), адоптированный этой фамиліей какъ Augustus у римскихъ императоровъ. Его резиденціей кромѣ Паталипутры была также и древняя столица «солнечной династіи Рагхуидовъ», Айодхья (нынѣ провинція Удхъ на мѣстѣ древнихъ Кошяла-Видеха), реставрація которой поэтически изображена въ XVI пѣсни «Рагху-ванши» ³⁾, а также и Уджайни (Οζήνη) въ бывшемъ царствѣ Малава (нынѣ Уджейнъ во владѣніяхъ махараджи гваліорскаго); послѣднюю, эту «Флоренцію индійскаго Ренессанса» прославили и Калидаса въ «Мегхадутѣ» (I, 27—40), и знаменитый Дан-

¹⁾ Smith. I. с. p. 177—8.

²⁾ Царствованіе Чандрагупты-Маурья, взшедшаго на престолъ послѣ произведеннаго имъ переворота еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ лѣтъ 22, относится къ 322—297 г. до Р. Х. (Smith. I. с. p. 115—137). Поэтическое отраженіе этого «переворота» представляетъ намъ драма Вишьякхадатты «Мудра-Ракшаса» написанная почти 1000 лѣтъ спустя.

³⁾ Эта пѣсня артистически передана въ переводѣ А. Graf von Schack. Stimmen vom Ganges. s. 126—137. «Kuśa's Heimkehr» (Stuttgart. 1877).

динъ (VI в. по Р. Х.) въ своемъ романѣ «Похожденія десяти принцевъ», и неизвѣстный авторъ (быть можетъ тотъ же Дандинъ?) драмы «Глиняная телѣжка»; извѣстной въ сценической обработкѣ для европейскихъ театровъ подъ именемъ главной героини пьесы, «идеальной гетеры» Васантасены ¹⁾.

Литературная слава «вѣка Викрамадити» не потускнѣла отъ того, что пришлось отрѣшиться отъ выставленной Максомъ Мюллеромъ лѣтъ 30 тому назадъ эффектной теоріи «Индійскаго возрожденія» въ VI—VII в. по Р. Х., рисующагося теперь совсѣмъ въ иномъ видѣ: дѣло въ томъ, что предположенная М. Мюллеромъ варваризація и огромная брешь въ санскритской литературѣ предшествующихъ столѣтій, особенно во время нашествій скивовъ (Сака) и т. наз. Кушанскаго царства въ сѣверной Индіи, опровергаются все болѣе и болѣе новыми находками. Еще въ 1892 г. Сильвенъ Леви открылъ санскритскую поэму «Жизнь Будды» (*Buddhacarita*) ²⁾ знаменитаго буддистскаго поэта и ученаго Ашвагхоши, современника кушанскаго царя Канишки (*Каньшк*), царствовавшаго въ I—II в. по Р. Х. (его резиденціей былъ нынѣшній Пешаваръ). Эта поэма, доступная теперь и русской публикѣ благодаря цѣнному переводу Бальмонта, представляетъ собою образецъ высокой степени развитія т. н. искусственнаго эпоса и является соединительнымъ звеномъ между «Рамаяной» Вальмики ³⁾ и творчествомъ Калидасы. А недавнія находки рукописей въ Турфанѣ, въ средней Азіи, обогатили фрагментами буддистской драмы того же Ашвагхоши «Шарипутра-пракарана» ⁴⁾, свидѣтельствующими о законченной формѣ драмы съ ея чредо-

¹⁾ См. введеніе къ нѣмецкому переводу этого романа, *I. I. Meyer* (Leipzig, Lotus Verlag, 1902) и мою статью «Дандинъ и его романъ» (Зап. Харьк. Унив. 1898. *Gavrinski. Sprachliche Untersuchungen über das Mṛcchakatika und das Daśakumaracaritam.* (Leipzig. 1907).

²⁾ *Winternitz. Geschichte der indischen Literatur.* II, 1. s. 201—212. (Leipzig, 1913). *Pischel* l. c., s. 200. *C. Леви* въ предисловіи (на русскомъ языкѣ къ переводу *К. Бальмонта* (Асвагоша «Жизнь Будды». Москва 1913). *Nandargikar.* въ «Preface» къ своимъ изданіямъ «Мегхадуты» (Бомбей 1894) и «Рагхуванши» (Пуна, 1897). Покойный Кауэлъ (*Cowell*), первый издатель и переводчикъ «*Buddhacarita*» (Oxford, 1893) назвалъ Ашвагхошу индійскимъ Эвиемъ, а Калидасу—Вергилиемъ.

³⁾ *Winternitz. G. d. i. Lit.* I, s. 440: es ist wahrscheinlich, dass das Ramayana im 4 oder 5 jhr. v. Chr. von Valmiki unter Benutzung alter Akhyanas gedichtet ist. cf. *Pischel* l. c. s. 200. *V. Henry. Les litteratures de l'Inde* (Paris, 1904) p. 161—2.

⁴⁾ *Lüders. Das Sariputrprakarana, ein drama des Aṣv.* (Berlin, 1911).

ваньемъ прозы и стиховъ, санскрита и пракритовъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшее будущее раскроетъ и другія промежуточные звенья отъ Ашвагоши до Калидасы, и имена предшественниковъ (Бхаса, Саумилла, Кавипутра), упоминаемыхъ авторомъ «Сакунталы» въ прологъ его первой пьесы, комедіи «Малавика и Агнимитра»¹⁾ перестанутъ быть лишь пустымъ звукомъ такъ же, какъ былъ возстановленъ открытіемъ цейлонскаго ученаго Дхармарамы одинъ изъ ближайшихъ послѣдователей Калидасы, поэтъ Кумарадаса, авторъ поэмы «Jānakī-harpaṇa» (похищеніе дочери Джанаки т. е. Ситы, супруги Рамы)²⁾. Но вслѣдъ за блестящимъ вѣкомъ Викрамадитьи уже при его преемникахъ Кумара-Гуптѣ (413—455) и Сканд-Гуптѣ (455—480) нахлынули первыя волны новаго нашествія страшныхъ завоевателей, устремившихся изъ средней Азіи черезъ Персію и Афганистанъ въ Индію нѣсколько позже, чѣмъ въ Европу: это были Гунны, имя которыхъ (Hūna) встрѣчается одинъ разъ и у Калидасы³⁾, вѣрнѣе тѣ гуннскія орды, которыя остались въ Азіи (такъ наз. «бѣлые гунны», эфталиты) временно осѣвъ на равнинахъ Окса (Аму-Дарьи) и затѣмъ почти цѣлое столѣтіе (455—540) приводили въ ужасъ и временно захватывали сѣвер. Индостанъ и дали своихъ «индійскихъ Атиль»: Торамана и Михирагула («Голласъ» въ хроникѣ Косьмы Индикоплефста, византійскаго монаха VI вѣка).

Незадолго до этой мрачной эпохи, при династіи Гупта, началась и реставрація брахманизма, успѣвшаго видоизмѣниться, окрѣп-

¹⁾ *Актёръ*. Зачѣмъ же, отложивъ въ сторону творенія Бхасы, Саумиллы и Кавипутры, оказывать такое предпочтеніе творенію современнаго поэта Калидасы?

Директоръ театра. О какое безразсудное сужденіе! Послушай:

Не все бываетъ хорошо, что старо,
И не дурны всѣ новыя поэты.

Неглушій разобратся въ нихъ сумѣетъ,
И лишь глушецъ чужому мнѣнію вѣрить.

Впрочемъ, имя Бхасы уже перестало быть «пустымъ звукомъ»: только что вышелъ французскій переводъ его драмы «Васавадатта» (*Le théâtre indien avant Kalidāsa, par A. Baston, avec une préface de S. Levy. Paris. 1914*). Индійскій пандитъ Ганапати Шастри отыскалъ въ Траванкорѣ рукописи 11 драмъ Бхасы и почти закончилъ изданіе ихъ текста въ Trivandrum Sanscrit Series, Bhāsa's Works.

²⁾ *Nandargikar*. Kumārādāsa and his place in sanscrit literature (Poona, 1908). *Walter*. Uebereinstimmungen in Gedanken, Vergleichen und Wendungen bei den indischen Kunstdichtern von Valmiki bis auf Magha (Leipzig 1905) s. 4, 24, 32—3.

³⁾ *Raghuv.* IV, 68 въ описаніи странъ и народовъ покоренныхъ Рагху, при чемъ косвеннымъ образомъ прославляется Самудра-Гупта (*Collins*, l. c. s. 48):

У гуннскихъ женщинъ на щекахъ поблѣкъ румянецъ отъ побѣдъ,
Что надъ мужьями ихъ своей отвагой Рагху одержалъ.

нута и приспособиться къ борьбѣ съ буддизмомъ, который онъ окончательно одолеваетъ на родинѣ въ послѣдующіе вѣка. Къ той же эпохѣ относятся и древнѣйшія Пураны ¹⁾, закрѣпившія эту реставрацію и давшія Индіи, хотя бы въ самомъ мифически-фантастическомъ обликѣ нѣкоторое подобіе ея древней исторіи, откуда черпала данныя и тогдашняя «беллетристика»: родословная Солнечной династіи въ «Рагху-Ваншѣ» основана на данныхъ «Вишну-Пураны». О внѣшнихъ условіяхъ жизни, обстановкѣ, нравахъ и изощренной культурѣ индійскаго «высшаго общества» того времени достаточно свидѣтельствуютъ изысканность и утонченность литературнаго стиля и формъ, имѣвшихъ уже тогда цѣлую плеяду своихъ теоретиковъ и критиковъ; старѣйшимъ изъ нихъ, дошедшимъ до насъ и авторитетнымъ до сей поры въ Индіи, является трактатъ Дандина «Зеркало поэзіи» ²⁾. А для еще большей наглядности любопытно познакомиться съ характеристикой образованнаго «горожанина» (*nāgarika*) т. е. свѣтскаго франта изъ «золотой молодежи», данной въ индійскомъ «*Ars amandi*» (*Kāmasūtra* т. е. любовное руководство) Ватсыяны, какъ разъ подходящей для этой эпохи и литературы ³⁾.

¹⁾ *Winternitz*. I. c., I, s. 440 *fg.* *Smith* I. c. p. 19, 288. *Pischel*. I. c. s. 196.

²⁾ „Зеркало поэзіи“ (*Kāvyaśāstra*) Дандина до сихъ поръ пользуется въ Индіи огромнымъ авторитетомъ. Краткій анализъ его есть въ моей статьѣ о Дандинѣ; см. также *О. Щербатской* „Теорія поэзіи въ Индіи“ (*Ж. М. Нар. Пр.* 1902), гдѣ сдѣланъ интересный разборъ и позднѣйшей теоріи о „поэтическомъ намекѣ“ (*dhvani*) формулированной въ X в. Анандавардханой. Обширное и превосходное изслѣдованіе *Regnaud*. *La rhétorique sanscrite* (Paris, 1884) содержитъ сравнительный анализъ индійской и греческой поэтикъ.

³⁾ „Запасшись познаніями и устроивъ свой домъ на деньги добытыя подарками, побѣдами, торговлей, платежами, либо полученныя въ наслѣдство или же тѣми и другими путями виѣсть, надо начать жизнь свѣтскаго человѣка (*nāgarika*). Онъ долженъ жить въ столицѣ, большомъ городѣ, городѣ или мѣстечкѣ, гдѣ есть отличные люди, либо въ иномъ мѣстѣ соотвѣтственно роду занятій. Тамъ по близости отъ воды пусть онъ построитъ себѣ домъ съ садомъ, обширнымъ дворомъ для работъ и двумя опочивальнями. Въ наружной опочивальнѣ должна стоять мягкая постель съ подушками въ обоихъ концахъ и вогнутая по срединѣ, съ бѣлымъ одѣяломъ, а возлѣ нея другое ложе. У изголовья—мѣстечко для травяной подстилки и скамья для жертвоприношеній. Тамъ пусть лежатъ оставшіяся послѣ ночи притиранья и вѣнки, корзиночка съ варенымъ рисомъ, сосудъ съ ароматами, лимонная корка и бетель, а на полу—плевательница. На гвоздикѣ виситъ лютя; мольбертъ, ящикъ съ красками, кака-нибудь книжка; вѣнки изъ желтаго амаранта; неподалеку на полу—ложе изъ сѣна, чтобы преклонить голову; доска для игры въ кости. Снаружи клѣтка съ ручными птицами; въ уединеніи мѣстечко для столярныхъ и рѣзныхъ работъ и другихъ игръ. Въ саду, въ тѣни, качели съ мягкой подушкой, а на землѣ скамья, усыпаянная цвѣ-

Если имѣется много данныхъ для обрисовки этой эпохи Калидасы, то для возстановленія его біографіи нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ легендарныхъ анекдотовъ ¹⁾. Можно лишь заключить, что онъ былъ шиваитомъ, какъ по его имени (Kāli-dāsa т. е. рабъ богини Кали, супруги Шивы), такъ и по его произведеніямъ, свидѣтельствующимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объ основательномъ знакомствѣ его съ Упанишадами и философскими ученіями Санхья и Йога ²⁾. Неоспоримо его авторство лишь для шести произведеній, трехъ драмъ и трехъ поэмъ ³⁾. Несомнѣнно первая по времени изъ драмъ бытовая, свободная отъ фантастики комедія «Малавика и Агнимитра» рисуется не безъ граціи и юмора живо, но «стилизуя» согласно правиламъ теоретическихъ трактатовъ, картину придворныхъ интригъ и любовныхъ похищеній царя Агнимитры, сына Пушьямитры изъ династіи Шюнга, царствовавшей въ Видишѣ (нынѣ Бхильса) во II в. до Р. Х. Въ этой комедіи мы видимъ и вполне мирное и дружелюбное сожителство брахманизма и буддизма: при дворѣ царя, отецъ котораго совершаетъ великій брахманическій обрядъ «жертвоприношенія коня» ⁴⁾, играетъ важную роль буддистская монахиня Каушики. Если первая комедія Калидасы имѣетъ реальную основу въ своемъ сюжетѣ, то послѣдующія драмы, его шедевръ «Сакуп-

тами. Таково устройство его жилья". (Das Kāmasūtre des Vātsyāyana, die indische ars amatoria, aus dem sanscrit übersetzt und herausgegeben von R. Schmidt. I, cap. 4. „Leben des Elegants"). Дальше перечисляются его „занятія" (s. 62—64: послѣ обѣда и занятій своимъ туалетомъ—веселыя развлечения, вечеромъ—музичированье, затѣмъ любовныя свиданія и т. д., пирушки, посѣщеніе садовъ, въ опредѣленные дни—собранія въ храмѣ богини краснорѣчія (т. е. въ „Литературномъ клубѣ"), спектакли, собесѣдованія въ домахъ гетеръ или людей своего круга, причемъ „происходитъ обмѣнъ мыслей насчетъ поэмъ и искусствъ" (s. 68).

¹⁾ Oldenberg. Die Literatur des alten Indien (Stuttgart-Berlin. 1903) s. 216—17. S. Levy. Le théâtre indien (Paris 1890) p. 165—6. Jackson. Notes from India (J. o. Am. Or. Soc. 1902).

²⁾ Walter l. c., s. 33.

³⁾ Поэма „Rtusanhāra" (Цикль временъ года) по мнѣнію большинства изслѣдователей не принадлежитъ Калидасу, хотя традиція и приписываетъ ему эти „индійскія георгики", какъ называлъ ее Анри (V. Henry) въ своемъ коротенькомъ, но изящномъ анализѣ ея (Les littératures de l'Inde, p. 217—8).

⁴⁾ Знаменитый, зародившійся еще въ ведическую эпоху обрядъ „жертвоприношенія коня" (asvamedha) совершавшійся особенно могущественными царями для вящаго своего возвеличенія, былъ воскрешаемъ и въ болѣе позднія времена: въ II в. до Р. Х. при Пушьямитрѣ и въ IV—V в. Р. Х. при Самудра-Гуптѣ и Кумара-Гуптѣ I.

тала» ¹⁾, и по обилию музыкально-вокального элемента скорее похожая на оперу «Урваши» (С. Леви считает ее послѣдней по времени и видитъ въ ней слѣды упадка творчества, а Пишель усматриваетъ въ ней большой шагъ впередъ, подготовившій «Сакунталу»), витають обѣ въ области легенды, мифа и фантастики, окрашенной вдобавокъ тѣми нѣжными, мягкими, человѣчными чертами, которыя такъ плѣнительны въ творествѣ Калидасы и вызываютъ ставшее уже избитымъ сравненіе его съ Рафаэлемъ и Моцартомъ.

Древнѣйшая версія легенды о Сакунталѣ, юной прелестной отшельницѣ, плѣнившей славнаго царя Душянту, прошедшей черезъ тяжелое испытаніе, потомъ соединившейся съ несправедливо отвергнувшимъ ее супругомъ—все по волѣ судьбы—и даровавшей ему наконецъ, сына Бхарату, основателя «Лунной династіи» въ Хастинапурѣ (нынѣ Дели), имѣется въ «Махабхаратѣ». Превосходная «баллада», въ формѣ діалога между нимфой Урваши и царемъ Пуруравасъ имѣется еще въ Ригъ-Ведѣ (X, 95) ²⁾; возможно, что и тогда она уже была драматизирована; самая же эта сага о недолговѣчной любви между двумя существами, принадлежащими къ разнымъ сферамъ, низшей и высшей, смертной и бессмертной, имѣетъ о себѣ цѣлую литературу, сближается даже съ сагой о Лоэнгринѣ ³⁾. Вообще индійская драма, сразу заинтересовавшая Европу, стала предметомъ разносторонняго изслѣдованія, а превосходная книга С. Леви «Le théâtre indien» (Paris, 1890) останется навсегда классической по богатству матеріала, яркости изложенія и тонкому анализу. Подыскивая явленія болѣе сходныя съ индій-

¹⁾ Транскрипція имени „Сакунтала“ вмѣсто болѣе точной „Шякунтала“ (Śakuntalā) слишкомъ уже укоренилась. Эпизодъ изъ „Махабхараты“ переведенъ графомъ фонъ-Шаккъ (Die Stimmen des Ganges. s. 32—55). Небольшая поэма Фета „Саконтала“ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, со всѣми индійскими версіями.

²⁾ Превосходный и обстоятельный разборъ этого гимна далъ проф. К. Гельднеръ (Vedische Studien, I, также Rigveda in Auswahl, II, II). Очень интересенъ также разборъ гимна у проф. Л. фонъ-Шпрёдера (Mysterium und Mimus im Rigveda. Leipzig. 1908, s. 232—274). Послѣдній по времени и очень цѣнный переводъ этого гимна см. А. Hillebrandt. Lieder des Rigveda, s. 142—5. (Göttingen-Leipzig, 1913. Quellen der Religions-Geschichte. Gruppe 7. Indien). На „оперный элементъ“ въ драмѣ „Урваши“ указывалъ еще Фетисъ (Histoire generale de la musique. II, p. 327—8. Paris. 1869).

³⁾ L. v. Schröder. Die Vollendung des arischen Mysteriums in Bayreuth (München 1911) s. 147—74 („Schwanenelbenmysterium und Lohengrin“).

скимъ театромъ въ области европейскаго, скорѣе всего можно найти аналогичныя черты въ XVII в. во французскомъ жанрѣ «Style grésieux»¹⁾, а также въ пышныхъ красотахъ испанской драмы того же вѣка. Небезынтересно отмѣтить кстати, что знакомство съ драмами Калидасы, много разъ переведенными на главные европейскіе языки, настолько распространилось, что всѣ три вдохновили нѣсколькихъ композиторовъ: имѣются двѣ нѣмецкихъ оперы «Малавика» Вейнгартнера и «Урваши» Кинцля, французскій балетъ «Сакунтала» Рейе (по сценаріуму Теофиля Готье) и концертная увертюра «Сакунтала» Гольдмарка.

Далеко не такъ доступны европейскому вкусу санскритскія поэмы (Kâvya) той же эпохи, жанръ, въ которомъ Калидаса, по мнѣнію индусовъ, прославился не меньше, чѣмъ въ драмѣ. Чтобы оцѣнить все искусство и виртуозную изощренность формы, стихосложенія, подбора словъ, стилистическихъ «украшеній» здѣсь уже необходимо знакомство съ подлинникомъ «Рагху-ванши» и «Кумарасамбхавы», поддающихся лишь частичному переводу. И только «Мегха-дута» и по размѣрамъ, и по формѣ, еще по замѣчанію Уильсона «не заключающій въ себѣ идей недоступныхъ безъ затрудненія европейскому уму» является счастливымъ исключеніемъ и можетъ быть поставленъ, какъ другой шедевръ, наряду съ «Сакунталой»; его сближаетъ съ нею еще и насыщенность чутьемъ красоты природы, чары которой индійскій поэтъ умѣлъ тонко чувствовать и плѣнительно изображать за много вѣковъ раньше, чѣмъ его европейскіе собратья²⁾. Первой по времени изъ трехъ поэмъ (Kâvya) Калидасы вѣрнѣе всего считать вслѣдъ за Писелемъ «Raghuvamṣa» (19 пѣсенъ, около 3000 стиховъ), составленную въ эпически-панегирическомъ стилѣ легендарную хронику «Солнечной династіи» Рагху.

¹⁾ Бергъ въ предисловіи къ своему переводу „Сакунталы“ (Paris. 1884): „Kalidasa n'aurait pas été trop dépaycé à l'hôtel de Rambouillet. Il en a les qualités et les défauts, la noblesse et parfois l'enphase, la délicatesse et surtout la préciosité“. Изъ давнишнихъ французскихъ отзывовъ интересны слова Ламартина (Cours familier de littérature, Entretien V) о „Сакунталѣ“: „un chef d'oeuvre de poésie à la fois épique et dramatique, qui réunit dans une seule action ce qu'il y a de plus pastoral dans la Bible, de plus pathétique dans Eschyle, de plus tendre dans Racine“. Анализомъ „Сакунталы“, какъ драмы, занимался еще Гердеръ (Ueber ein morgenländisches Drama. Einige Briefe).

²⁾ См. красиво сдѣланную характеристику Калидасы у Густава Мейера. (Essays und Studien (Strassburg, 1893), II, s. 97—106).

Воспѣвъ послѣдовательно 4 царей (Дилипа, Рагху, Аджа, Дашя-ратха) въ первыхъ девяти, онъ посвящаетъ 6 пѣсень воплощенію Вишну въ образѣ Рамы, давая свою собственную версію событій изложенныхъ въ «Рамаянѣ» Вальмики, удѣляетъ потомкамъ Рамы еще 4 пѣсни и обрываетъ поэму на смерти безумно сладострастного царя Агниварны, погибающаго отъ «царской болѣзни» (*rājayakshma*) т. е. сухотки спинного мозга. Весьма вѣроятно, что эта поэма имѣла также цѣлью прославить иносказательно династію Гупта; параллелизмъ походовъ Рагху и Самудрагупты, опоэтизированная реставрація покинутой столицы Айодхьи (XVI пѣснь) и апофеозъ аватары Рама-Вишну (Чандра-Гупта II Викрамадিতья былъ Вишнуитомъ¹⁾ все это данна въ пользу такого взгляда.

Въ слѣдующей его поэмѣ, мифологическомъ эпосѣ «*Kumârasambhava*» (Рожденіе Кумары т. е. Сканды, бога войны) считаются безспорно подлинными лишь первыя 7 пѣсень; остальные же 10 «заподозрѣнныя» вдобавокъ еще и чрезмѣрно эротичны²⁾. Мифъ давшій сюжетъ этому произведенію, въ которомъ авторъ, по мнѣнію Пишеля, уже вышелъ на самостоятельный путь, упоминается и въ «Мегхадутѣ» (I, 43—44, II, 10), къ которому я и перехожу³⁾.

¹⁾ Изъ современныхъ критическихъ разборовъ индійскихъ ученыхъ и литераторовъ интересны: *Nandargikar* (по англійски въ предисловіи къ его изданію), *Krishnamachariar* (по санскритски) въ его „*Raghuvamṣa*“ (Srirangam, 1911). За отсутствіемъ въ здѣшней университетской библіотекѣ *Journal of the Royal Asiatic Society* я лишенъ возможности воспользоваться статьями *Manmohun Chakravarti* (1903—4), о которыхъ говорятъ *Collins* (I. c., p. 48) и *Smith*. (I. c. p. 288).

²⁾ *Smith*. I. c. p. 277.

³⁾ *Macdonell*. I. c. p. 326—8. *Pischel* I. c. s. 201. Недавно изданъ очень стильно сдѣланный нѣмецкій переводъ прозой. O. Walter. *Der Kumârasambhava oder die Geburt des Kriegesgottes, ein Kunstgedicht des Kâlidâsa*. Leipzig. 1913. Въ него вошли лишь первыя 8 „незаподозрѣнныя“ пѣсни.

⁴⁾ Кромѣ страницъ посвященныхъ „Мегхадутѣ“ въ вышеприведенныхъ книгахъ Пишеля, Ольденберга, Анри, Мэкдонелля, въ предисловіяхъ и примѣчаніяхъ къ переводамъ Уильсона, Шютца, М. Мюллера, Герино и Нандарджикара, очень любопытно и цѣнно: *Rangacharya*. A critical appreciation of Kalidasa's *Meghasandeha*: (Madras, 1910).—Въ южной Индіи поэма известна болѣе подъ именемъ „*Megha-sandeha*“ (Обращеніе къ облаку, порученіе облаку).—Мой переводъ сдѣланъ по тексту бомбейскаго изданія (*Godbole and Parab*) съ комментариемъ знаменитаго Маллинатхи (XV вѣкъ), которому я слѣдую и въ нумераціи отдѣльныхъ стансъ. Я пользовался также изданіями текста Гильдемейстера (1841) и Штенцлера (1874), а также работой *Beckh*. Ein Beitrag zur Textkritik von K.'s *Meghadûta* (Berlin, 1907), слѣдующей тибетскій переводъ поэмы (XI—XIV в.) съ разночтеніями различныхъ индійскихъ и европейскихъ изданій санскритскаго оригинала.

Сюжетъ этой небольшой поэмы, которую впервые, кажется, Макс Мюллеръ очень удачно назвалъ элегіей, незатѣйливъ и удивительно гармонируетъ съ планомъ и «тональностью» настроенія всей пьесы. Одинъ изъ геніевъ — полубоговъ, насѣляющихъ волшебное царство бога Куверы, владыки богатствъ, «Царя царей» обитающаго въ своей дивной легендарной резиденціи Алакѣ близъ свѣтовыхъ вершинъ Гималая, одинъ изъ сонма этихъ чудесныхъ существъ носившихъ въ индійской мифологіи имя Якшей (yaksha), былъ подвергнутъ за какой-то проступокъ изгнанью на одинъ годъ. Томясь въ разлукѣ и тоскуя по своей супругѣ покинутой противъ воли, этотъ несчастный Якша обращается къ облаку, направляющемуся съ юга на сѣверъ передъ наступленіемъ дождливаго времени года, и умоляетъ его взять на себя роль вѣстника и передать привѣтъ милой супругѣ, страдающей въ одиночествѣ, угѣшить ее извѣстіемъ и тѣмъ самымъ помочь ей дожидаться свиданья съ супругомъ по окончаніи срока изгнанья, истекающаго осенью послѣ періода дождей. Описаніе пути, затѣмъ сказочнаго царства Куверы и жилища самаго Якши въ сочетаніи съ постоянными намеками и иллюстраціями, заимствованными изъ мифовъ и легендъ, даетъ обильный матеріалъ поэтической живописи Калидасы, который нанизываетъ одну за другою, словно драгоценное ожерелье, отдѣльные стансы, представляющія изъ себя каждая въ отдѣльности законченную, тонко отшлифованную миниатюру, создавая изъ этихъ пестрыхъ и разноцвѣтныхъ камней роскошную мозаичную картину. Воспроизведеніе душевнаго состоянія такого мифическаго существа, какъ Якша, предназначеннаго самой судьбой лишь для радостей любви и наслажденій и переживающаго роковымъ образомъ трагедію разлуки, служить отличнымъ поводомъ для лирико-патетическихъ изліяній поэта, высказавшаго устами царя Агнимитры ¹⁾ слѣдующее положеніе:

Въ союзѣ межъ влюбленнымъ страстно и безстрастнымъ

Свершившемся, въ немъ нѣтъ блаженства для меня!

И лучше смерть тѣхъ двухъ, кому ужъ нѣтъ надеждъ,

Но въ комъ огонь любви пылаетъ съ равной силой!

¹⁾ „Малавика и Агнимитра“ д. III, ст. 15, слова царя Агнимитры еще не добившагося обладанія красавицей Малавикой, попавшей плѣнницей въ число рабынь-прислужницъ главной царицы Дхарини, которая всячески препятствуетъ соединенію влюбленной четы. Потомъ плѣнница оказывается принцессой и можетъ сдѣлаться официально „законной“ супругой Агнимитры и „третьей“ царицей.

Характерную черту въ теоретическомъ ученіи объ индійской поэзіи, какъ бы соотвѣтствующую европейски - общепринятому понятію объ «эстетическомъ наслажденіи», составляетъ терминъ *раса* (*rasa*), буквально *вкусъ* т. е. то преобладающее чувство, которое проникаетъ собою данное произведеніе или отдѣльныя части его и заставляетъ читателя-слушателя испытать, пережить, «*вку-снуть*» соотвѣтствующее ощущеніе. Въ соотвѣтствіи съ 8 главными «основными» чувствами различается и 8 «вкусовъ» *раса*: любовный (*ṣṛṅgāra*), комическій (*hāsyā*), жалостный, патетическій (*karuṇa*), ужасный, трагическій (*raudra*), героическій (*vīrya*), страшный (*bhayānaka*), отталкивающий (*bibhatsa*), чудесный, удивительный (*adbhūta*) соотвѣтствующие восьми основнымъ чувствамъ, аффектамъ (*bhāva*): любовь (*rati*), смѣхъ (*hāsa*), печаль (*ṣoka*) гнѣвъ (*krodha*), отвѣта (*vīrya*), страхъ (*bhaya*) отвращеніе (*jugupsā*), очарованіе, удивленіе (*vismaya*). Конечно, доминирующимъ для «Облака-вѣстника» будетъ «раса» любовный. Но и въ «любовномъ вкусѣ» индусы дѣлаютъ еще подраздѣленіе, такъ сказать, мажорное и минорное: «любовь въ наслажденіи» (*sambhoga-ṣṛṅgāra*) и «любовь въ разлукѣ» (*vīralambha-ṣṛṅgāra*). Индусы были великими мастерами въ изображеніи и смакованіи «любовной тоски» и ихъ поэтизація разлуки роднится въ сущности со «страстнымъ томленіемъ» (*Sehnsucht*) германскаго романтизма. Индусы и теперь особенно пѣнять въ Шекспирѣ «Ромео и Джульетту» и конечно оцѣнять, когда узнаютъ «Тристана и Изольду» Вагнера. Вѣдь слова Джульетты: «не зная, слишкомъ рано увидала, и слишкомъ поздно я его узнала!» (*Too early seen unknown and known too late*) и Изольды: «Мною избранъ, мной утерянъ!» (*Mir erkoren, mir verloren*)! можно назвать квинтъ-эссенціей индійскаго «*vīralambha-rasa*»! ¹⁾.

Современный индійскій критикъ Рангачарья ²⁾, разбирая съ большимъ тактомъ и тонкимъ чутьемъ элегію Калидасы и отбѣняя всю напряженность страсти ее героя, проникнутой однако же и само-

¹⁾ Индусы тѣмъ болѣе могутъ „вкусить“ прелесть поэзіи „Тристана“, что самая музыка Вагнера изъ всѣхъ европейскихъ композиторовъ имъ приходится особенно по душѣ, какъ подтверждаетъ въ своемъ только что вышедшемъ капитальномъ изслѣдованіи Стрэнгуэзъ. (*Strangways. Music of Hindostan. Oxford. 1914. p. 424*). *Hindus have said to me more than once that they like Wagner best of our music.*

²⁾ *Rangacharya* l. c. p. 20—31, 89—92.

отрѣченіемъ ради спасенія и поддержанія жизни любимаго существа, доказываетъ что это «самозабвеніе въ любви» (the pathos of self-forgetful love) и есть основной ея «раса». Можетъ ли европейскій вкусъ «вкусить» поэзію «Облака-вѣстника» въ этомъ смыслѣ? Мнѣ думается, что можетъ, хотя, конечно, причины и условія того, что мы называемъ обыкновенно «эстетическимъ наслажденіемъ» часто такъ неуловимо субъективны, что удобнѣе было бы и здѣсь прибѣгнуть къ помощи индійскаго объясненія и привести лишь стихъ изъ того же Калидасы (Сакунтала, V, 2):

Когда любуюсь прелестью, иль внемля чуднымъ звукамъ,
Бываетъ въ счастья вдругъ тоской охваченъ человѣкъ,
То безсознательно его душа припоминаетъ
Привязанностей въ прежнихъ воплощеняхъ прочный слѣдъ.

II.

Облако-вѣстникъ (Meghadûta).

Древне-индiйская элегiя Калидасы.

(Переводъ съ санскритскаго съ примѣчанiями).

I часть (pûrvamegha).

1.

Отторгнутый отъ милой гнѣвнымъ приговоромъ властелина,
На годъ изгнанья обреченный за проступокъ, падшiй Якша
Въ прiютъ тѣнистый средъ лѣсовъ на Рама-гири удалился,
Близъ водъ прозрачныхъ, дщерью Джанаки купаньемъ освященныхъ.

Вся поэма написана стансами, по 4 строчки въ каждой, однимъ и тѣмъ же размеромъ *mandâkrânta*, характеръ и темпъ котораго можно буквально перевести терминомъ нашей музыкальной агогики: *lento andante*. Каждая строчка состоитъ изъ 17 слоговъ съ цезурой послѣ 4-го или 10-го:

1. Рамагири - гора Рамы, вѣроятно нынѣшнiй Рамтекъ къ сѣв. отъ Нагпура въ Центр. провинцiи, одно изъ многихъ легендарныхъ «убѣжищъ Рамы», посѣщенныхъ героемъ «Рамаяны» во время его 14-лѣтняго изгнанiя, раздѣленнаго съ нимъ вѣрною женою Ситой, дочерью Джанаки, царя Видехiйскаго. Когда она была похищена чудовищемъ великаномъ Раваной (ср. I, 31 с, 58) на сказочный островъ Ланку, Рама освободилъ ее лишь съ помощью обезьяняго войска и рыцарственнаго героя—обезьяны Ханумана (ср. II, 37). Въ Индiи отъ древнихъ временъ и до сихъ поръ Сита является воплощенiемъ идеала женской вѣрности и любви.

Властелинъ т. е. Кувера, царь Якшей, богъ богатства; другой его эпитетъ Царь царей (ср. I. 3).

2.

Вдали от милой на горѣ проведши больше полугода
И утеравши съ исхудалыхъ рукъ запястья золотыя,
Онъ видитъ какъ-то лѣтомъ облако, прильнувшее къ вершинѣ
Какъ слонъ, когда сонувшись хочетъ нанести ударъ пригорку.

3.

И долго простоялъ предъ нимъ слуга Царя царей въ раздумьи,
Глотая слезы, весь охваченный глубокою тоскою.
При видѣ облака тревогу ощущаютъ и счастливыцы
Тѣмъ болѣе изгнанникъ, жаждущій обнять свою подругу!

4.

Близка ужъ осень; чтобъ придать своей супругѣ жизни силы
Онъ проситъ облако объ участи своей ей вѣсть доставить.
И вотъ, почтивъ его цвѣтами свѣжими, какъ подношеньемъ,
Онъ молить ласково о ласковомъ супруги утѣшеньи.

5.

Но облако, создание свѣта, воздуха, воды и пара,
Какъ можетъ вѣстникомъ служить и передать живое слово?
О томъ не думаль, вѣрно, Якша, весь охваченный тоскою:
Любви страданья отымаютъ вѣдь способность къ разсужденью.

2. «Лѣтомъ» именно въ первый день мѣсяца *ашадха* (іюнь ст. стили), предшествующій мѣсяцу *набхаса* или *шравана* (іюль), начинающему дождливое время года *варша*. Индусы еще въ древности установили дѣленіе года на 6 сезоновъ, по 2 мѣсяца въ каждомъ: *тришма* (лѣто), *варша* (дожди), *шярадъ* (осень), *хеманта* (зима), *шишира* (ранняя весна), *васанта* (весна), ср. II, 2.

Худоба и потеря браслетовъ, колець и т. п. у разлученныхъ любовниковъ одинъ изъ обязательныхъ симптомовъ, ср. «Сакунтала», т. III ст. 10, слова царя Душянты:

Отъ внутренняго жара жаркія струятся ночью слезы

Изъ глазъ прикрытыхъ пальцами, а на рукахъ тускнѣетъ жемчугъ.

Хоть лука тетивы рукою исхудалой не касаюсь,

Запястья золотыя все скользять, скользять... я ихъ теряю!

4. Періодъ дождей считается наиболѣе томительнымъ для разлученныхъ (ср. I, 8, 2 1а). Для 2-й строки весьма вѣроятенъ варіантъ непринятый Маллинатхой, но подтверждаемый тибетскимъ переводомъ (см. Beckh. Ein Beitrag, s. 11):

Взгрустнувъ отъ запаха цвѣтущихъ *кетакъ*, глотая слезы...

Кетакъ (*Pandanus odoratissimus* (ср. I, 23) см. Roxburg (Flora indica. Calcutta, 1874, p. 707): «его бѣлые лепестки распространяютъ чудесный запахъ, всеми признанный и цѣнимый, самый роскошный и сильный изъ всѣхъ ароматовъ на свѣтѣ».

6.

— О ты, потомокъ славный знаменитыхъ облаковъ Пушкаръ! Любимецъ Индры! знаю, обликъ свой мѣняешь, какъ желаешь. Судьба велитъ: къ тебѣ я съ просьбой прибѣгаю. Коль откажешь, Отказъ твой будетъ мнѣ почетнѣй, чѣмъ отъ низкаго услуга.

7.

Прибѣжище несчастныхъ, Облако! Доставь моей подругѣ Извѣстье обо мнѣ, проклятьемъ властелина разлученномъ, Въ столицу Якшей прилетѣвъ, въ Алаку, гдѣ дворцы сверкаютъ, Когда изъ роцъ самъ Шива мѣсяцемъ съ чела ихъ озаряетъ.

8.

И на тебя, когда помчишься ты своимъ путемъ воздушнымъ, Надѣясь и вздыхая взглянуть жены путниковъ далекихъ. Заслышавъ голосъ твой, кто сможетъ въ ласкахъ отказать супругъ? Лишь я, изгнанникъ бѣдный, вынужденъ проклятьемъ властелина.

9.

И тихо, тихо, пусть тебя качаетъ вѣтерокъ пріятный, И нѣжнымъ пѣньемъ провожаетъ чатака, твой другъ крылатый! И журавли, обвивъ кольцомъ тебя сулящаго потомство, Усладу ихъ очей, сопровождать летящаго въ пространство.

6. *Пушкаръ*. Мифическая разновидность облаковъ покоящихся въ Гималаяхъ и долженствующихъ затопить вселенную въ концѣ мірового цикла, находящагося нынѣ въ періодъ «Кали-юга» начавшемся со времени сраженія Куруидовъ и Пандуидовъ въ «Махабхаратъ» (ср. I, 48, 49), по индійскому лѣтосчисленію за 3102 ч. до Р.-Х. Индра, богъ-громовержецъ, является и повелителемъ облаковъ. Не лежитъ ли въ основѣ индійской классификаціи «облачныхъ семействъ» различіе ихъ по формѣ, цвѣту и т. п.? ср. *Н. Морозовъ*. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Гл. III «кое-что о типическихъ формахъ, принимаемыхъ облаками во время осеннихъ грозъ».

Къ морализирующей сентенціи ср. *Кальдеронъ* «Жизнь есть сонъ». *Jorn. III, esc. 8*; слова Росауры:

No tengo que prevenir

Cuanto es noble accion el dar,

Que en un varon singular

Es bajeza el recibir.

7. Богъ Шива (онъ же называется часто «Владыка») очень благоволитъ къ Куверѣ и часто посѣщаетъ его роцѣ близъ Алаки, покинувъ высоты Гималаевъ, на которыхъ предавался аскетическимъ подвигамъ. Чело Шивы украшено мѣсяцемъ, или діадемой, у него три глаза и синяя шея (ст. I, 34).

9. По вѣрованью индусовъ птичка Чатака (*Cuculus melanoleucus*), пьетъ лишь дождевыя капли, а журавли плодятся осенью, послѣ дождей.

10.

Конечно, ты увидишь, наконецъ, ее, супругу брата,
О вѣстникъ быстрый мой! Она жива и вѣрно дни считаетъ.
Какъ стебелекъ цвѣтку, такъ сердцу женщинъ нѣжному въ разлукѣ,
Надежды лучъ, подавъ опору, ихъ отъ гибели спасаетъ.

11.

Заслышавъ громъ, твой голосъ сладостный для слуха, что всю землю
Покроетъ словно зонтомъ изъ грибовъ, тотчасъ же за тобою
Фламинго полетятъ, по Манаса далеко стосковавшись,
Питаясь лишь стеблями лотоса вплоть до горы Кайласа.

12.

Прощаясь обними горы высокую вершину,
Гдѣ люди чтутъ на склонахъ слѣдъ стопы священной Рагхуида.
Вѣдь каждый годъ, когда возобновляется съ тобой свиданье,
Она любовь къ тебѣ горячими слезами проявляетъ.

10. Здѣсь Якша называетъ себя самого братомъ Облака-вѣстника. Въ драмѣ Бхавабхути (VIII в. по Р. Х.) «Малати и Мадхава», актъ IX, есть сцена и стихи носящіе явный слѣдъ подражательности этимъ ближайшимъ стихамъ. Герой драмы Мадхава, разлученный со своей возлюбленной Малати, тоже обращается къ облаку даже въ томъ же стихотворномъ размѣрѣ:

Тебя, мой другъ, какъ друга милаго не обнимаетъ молнья?
И журавли обычной нѣжности не выражаютъ?
И вѣтерокъ восточный мягкой ласкою не освѣжаетъ?
И Индры лукъ (ст. 1, 15), вездѣ сверкающій, не украшаетъ?
Коль, странствуя свободно въ мірѣ, милую мою ты встрѣтишь,
Утѣшь ее сперва, потомъ повѣдай о судьбѣ Мадхавы.
И да не будетъ этой вѣстью срѣзанъ стебелекъ надежды:
И такъ едва-едва онъ держитъ жизнь моей прекрасноюкой!

11. Священное озеро Манаса (нынѣ Манасороваръ) лежитъ за сѣвернымъ склономъ Гималаевъ; изъ него берутъ начало истоки Сѣтледжа и Брахмапутры. Это озеро, а также близъ лежащая гора Кайласа (ст. I, 58) необычайно священны для индусовъ. Эта мѣстность подробно обследована, описана и изображена у Свена Хедина. Transhimalaya, Entdeckungen und Abenteuer in Tibet, B. II, s. 90—130 (Leipzig 1909). Лотосъ, какъ извѣстно, самый излюбленный цвѣтокъ въ индійской поэзіи. Для обозначенія его есть много синонимовъ, но кромѣ того различаются лотосы дневные и ночные, зѣлѣные—бѣлые, голубые и розовые. R. Schmidt. Beiträge zur Flora Sanscritica. Z. D. M. G. 1913. III.

12. Рагхуидъ т. е. Рама. Облако ороситъ дождемъ гору, а капли росы будутъ ее слезами.

13.

Теперь узнай свой путь: я лучший укажу, тебя достойный.
Услышь потомъ для слуха упонительный привѣтъ супругѣ.
Когда устанешь, утомленный лишь прильни къ вершинѣ горной,
Испей воды рѣчной и отдохнувъ пускайся въ путь проворно!

14.

—«То вѣтеръ хочетъ снести горы вершину» такъ вперивши взоры,
Дрожа наивно скажутъ жены Сиддховъ, твой полетъ замѣтивъ.
Покинувъ склонъ покрытый сочнымъ камышомъ, лети на сѣверъ,
Избѣгнувъ на пути нападки хобота слоновъ суровыхъ.

15.

Ты встрѣтишь сочетанье чудное рубиновъ и смарагдовъ:
То радуга, дуга надъ муравейникомъ отъ лука Индры.
Твой обликъ синій ею отгѣнится ярче и милѣе,
Какъ смуглый Кришна-пастушокъ хвостомъ блистающимъ павлина.

14. Сиддхи—геніи, полубоги витающіе въ поднебесьи, отличающіеся чистотой и святостью и обладающіе 8-ю чудесными свойствами, позволяющими имъ достигать всего желаемого. По индійской мифологии 4 главныхъ и 4 промежуточныхъ страны горизонта поддерживаются 8-ю исполинскими „вселенскими“ слонами (dig-pāga); о „сѣверномъ“ изъ нихъ Айравата, любимецъ Индры, см. I. 51, 62. Стихи 3 и 4-й этой стансы, по толкованію Маллинатхи представляютъ изъ себя śleṣha т. е. омонимическую игру словъ, построенную на томъ, что слово Niśula (Ничула) обозначаетъ также имя нѣкоего поэта Ничула, современника и друга Калидасы, а Дигнага—также имя нѣкоего жестокого, „литературнаго критика“.

Покинувъ склонъ, *гдѣ жилъ изящный Ничула*, лети на сѣверъ,
Избѣгнувъ на пути нападки отъ жестокихъ рукъ Дигнаговъ!

15. Лукъ Индры т. е. радуга, опозитивированная еще въ Ригъ—Ведѣ (X, 123) въ видѣ особаго божества Гандхарва-Вена, видна лишь тогда, когда Индра натягиваетъ тетиву, отправляясь на подвиги; она подымается изъ муравейника, гдѣ спряталась змѣя. Для этой ассоціаціи образовъ ср. Taittirīya-āraṇyakaṁ, I, 5, 3—4. У древнихъ индусовъ луки были очень большого размѣра, такъ что однимъ концомъ упирались въ землю при стрѣльбѣ (Appian's India, 16).

Кришна, одно изъ воплощеній Вишну, извѣстенъ еще въ „Махабхаратѣ“ особенно по знаменитому эпизоду въ VI книгѣ „Бхагавадъ-гита“. Пребываніе Кришны въ видѣ пастушка среди красавицъ-пастушекъ изображено яркими красками въ знаменитой поэмѣ „Гита-говинда“ Джаядевы (XII в. по Р. Х.); эту „эротическую пастораль“ индусы истолковываютъ и символически, въ родѣ „Пѣсни пѣсней“ царя Соломона. ср. предисловіе С. Леви къ переводу Куртилье. Le gita-govinda. pastorale de Jayadeva, traduit par G. Courtillier. (Paris 1904).

16.

— «Ты пахарямъ приносишь урожай!» съ улыбкой простодушной
Такъ говоря, ихъ жены нѣжно взорами въ тебя вопьются.
Упившись ароматомъ свѣжей пахоты надъ полемъ Маля,
Держи свой путь слегка на западъ, а потомъ лети на сѣверъ.

17.

Тебя, унявшего дождемъ лѣсной пожаръ на склонахъ горныхъ,
Усталого скитальца, вознесетъ высокій Амракута.
Услуги друга позабыть не можетъ человекъ ничтожный:
Ужель не поддержать тебя рѣшится исполинъ тотъ горный?

18.

Когда горы вершину смуглой шапкою своей покроешь
Надъ склонами, зардѣвшимися золотомъ созрѣвшихъ манго,
То будетъ дивная для небожителей картина: словно
Земля раскрыла грудь. Кругомъ свѣтло, а въ серединѣ тѣмно!

19.

Надъ рощами, убѣжищемъ лѣсныхъ дикарокъ, обождавши,
Изливъ немного влаги, станешь легче и помчавшись дальше
Увидишь Рёву близъ Виндхійскихъ горъ: бѣгутъ струи по камнямъ
Разбившись, какъ морщинки, что слона узоромъ покрываютъ.

20.

Проливши дождь, отвѣдай волнъ благоухающихъ отъ пота
Слоновъ и разбивающихся въ бѣгъ объ куртины джамбу.
Мой другъ, когда ты полнъ воды, тебя унести не въ силахъ вѣтеръ:
Бываетъ легкокъ тотъ, кто пусть, а вѣсь имѣетъ только полный!

16. Маля-вѣроятно нынѣ мѣстечко Мальда, къ сѣв. отъ Раттанпура въ провинціи Чатисгархъ, или въ горахъ Мекаль. Эта мѣстность издавна славится своимъ плодородіемъ и славится „житницей Индіи“. Murrays Handbook for travellers, 5 edition, s. 85.

17—19. Манго (дерево, цвѣтъ и сочные ароматичные плоды золотистаго цвѣта) по санскритски âmga, отсюда Amga-kuta-манговая вершина, нынѣ Амаркантакъ на вост. склонѣ Виндхійскаго хребта, гдѣ берутъ начало рѣки Нармада или Рева (нынѣ Нербудда, впадающая въ Камбѣйскій заливъ) и Сона, притокъ Ганги.

20. Джамбу (*Eugenia glomerata*), кустарникъ съ черными плодами, отъ котораго Индія получила и одно изъ своихъ туземныхъ названій: Джамбу-двипа. Потъ, струящийся по вискамъ слоновъ во время течки и образующій своими струйками причудливые узоры, считался необычайно ароматичнымъ.

21.

На нѣжныхъ стебелькахъ коричнево-зеленые кадамба
И отпрыски банановъ молодые надъ рѣкой увидѣвъ,
Почуявъ крѣпкій ароматъ земли среди лѣсныхъ пожарищъ,
Укажутъ серны путь тебѣ, а ты омоешь ихъ струями.

21a.

Увидѣвъ птичекъ чатака, ловящихъ капли дождевыя,
Слѣдя за длинной вереницей журавлей и ихъ считая,
Заслышавъ громъ, поплютъ тебѣ свои благодаренья Сиддхи,
Вкусивъ объятья страстныя супругъ, отъ страха къ нимъ прильнувшихъ.

22.

Предвижу я: какъ ни спѣшишь вѣсть обо мнѣ принести супругъ,
Задержишься ты на горахъ благоухающихъ цвѣтами:
Тебя тамъ встрѣтитъ свѣтлый влажный взоръ и звонкій крикъ павлиновъ.
Не сможешь ты разстаться сразу и безъ промедленья съ ними!

23.

Въ Дашярна прилетишь: цвѣтами кѣтака луговъ ограды
Блѣблютъ, вдоль дорогъ щебечутъ на деревьяхъ птички въ гнѣздахъ,
Лѣсовъ опушки почернѣли отъ плодовъ созрѣвшихъ джамбу.
Навѣрно, тамъ на нѣсколько ужъ дней задержатся фламинго!

24.

Добравшись до столицы ихъ, прославленной вездѣ Видиши,
Ты, какъ любовникъ, утолишь свиданья страстное желанье,
Испивши поцѣлуй Ветривати: она бурлитъ волнами
И хмурится, какъ женщина, заслышавъ громъ надъ берегами.

21. Кадамба-Нипа (*Nauclea orientalis*), ср. II, 2. Кадали (*Musa sapientum*)—бананъ. Вариантъ, допускаемый и Маллинатхой для 2 и 3 строки:

*Увидѣвъ надъ рѣкой, и молодые отпрыски банановъ
Отъдавъ, крѣпкій ароматъ земли среди лѣсовъ почуявъ.*

22. Павлинъ всегда испытываетъ жажду; когда онъ привѣтствуетъ приближеніе дождя радостнымъ крикомъ, то глаза его увлажняются слезами.

23—24. Дашярна—нынѣ пров. Бунделькхандъ; столица ихъ Видиша (нынѣ Бхильса), гдѣ происходитъ и дѣйствіе драмы Калидасы „Малавика и Агнимитра“. Ветривати (нынѣ Бетуа), притокъ Джумны.

25.

Потомъ остановись и отдохни на горкѣ Ничай; тотчасъ
Сойдясь съ тобой она вся содрогнется юными кадамба.
Въ ея пещерахъ куртизанокъ ароматъ душисто-пряный
Слѣды неистовствъ сладострастья юныхъ горожанъ оставилъ.

26.

Набравшись силъ лети впередъ, струями освѣживъ бутоны
Кустовъ жасмина, что сады вдоль береговъ рѣки покрыли.
И тѣнью прохлади на мигъ прелестныхъ дѣвъ—цвѣточницъ щечки:
Онѣ стирая потъ рукой всѣ ушки-лотосы измяли.

27.

Тебѣ хоть и прійдется уклониться отъ пути на сѣверъ,
Но не минуй Уджайни съ ея террасами, дворцами.
И будешь ты разочарованъ, если не поддашься чарамъ
Очей сверкающихъ, какъ молнии, у прелестныхъ горожанокъ.

28.

Нирвиндхью встрѣтишь съ поясомъ изъ птицъ кричащихъ надъ волнами:
Какъ грудь красавица, она водоворотъ свой выставляетъ.
Припавши къ ней, ты жажду утолишь: извѣстно, что у женщинъ
Игривость предъ любовникомъ въ любви признанье замѣняетъ.

25. Горка Ничай т. е. низкая, повидимому возлѣ Бхильсы. „Содроганье“, вѣрнѣе „вставанье дыбомъ“ волосъ на тѣлѣ, одинъ изъ обязательныхъ атрибутовъ любви—сладострастья у индусовъ. О специфическомъ „ароматѣ“ „изрыгаемомъ“ (какъ сказано буквально въ оригиналѣ) пещерными гротами, замѣнявшими „отдѣльныя кабинеты“, Малинатха говорить, какъ объ особомъ качествѣ индійскихъ „кокотокъ“.

26. Жасминъ (*jasminum auriculatum*), *yuthikā*. Сравненіе лица, ушей, рта, пальцевъ и проч. съ лотосами опять одно изъ общихъ мѣстъ индійской поэзіи.

27. Уджайни (Ὀζύνη у грековъ) или Аванти (нынѣ Уджейнъ въ владѣніяхъ Махараджи Гвалиора на плоскогоріи Мальва), резиденція знаменитаго въ индійской поэзіи пары Викрамадитья. Описаніе современнаго состоянія Уджайни, этой „Флоренціи индійскаго Ренессанса“ и сохранившихся тамъ памятниковъ см. *Deussen Erinnerungen an Indien*, s. 194—201 (Kiel-Leipzig, 1904). *Jackson Notes from India*. J. o. Am. Or. Soc. 1902, p. 307—317.

28. Нирвиндхья, одинъ изъ небольшихъ притоковъ Чамбала (см. I, 45), на вост. отъ Уджайни. Подлинное слово *пунъ* („глубокій“ пунъ считался однимъ изъ очарованій индійскихъ красавицъ, ср. II, 19), въ переводѣ замѣненъ болѣе подходящимъ для европейскаго уха „лономъ“. Здѣсь дѣлается намекъ на „флиртъ“ рѣки (женщина) съ облакомъ (мужчина).

29.

Въ разлукѣ исхудавъ, косою тонкой извивая струйки
И потускнѣвъ отъ листьевъ, что поблекли и съ деревъ упали,
Рѣка тоску жены въ разлукѣ любящей тебѣ представить:
Твой долгъ теперь ее утѣшить и наполнить свѣжей влагой!

30.

Въ Аванти, гдѣ въ селеньяхъ старпы повѣствуютъ о дѣяньяхъ
Удаяны, въ столицу славную Уджаини отправься.
Какъ будто для блаженныхъ за заслуги мало царства Индры!
И на землѣ еще для нихъ есть уголокъ блаженный: тамъ онъ!

31.

Тамъ вѣтеръ съ Шипры на зарѣ приноситъ нѣжный крикъ фламинго
И запахъ лотосовъ, расцвѣтшихъ при его прикосновеньи,
Онъ силы женщинъ истомленныхъ сладострастьемъ обновляетъ:
Такъ смѣлымъ словомъ и движеніемъ ихъ любовники возбуждаетъ.

31a.

Тамъ увидавъ на рынкахъ груды камней драгоцѣнныхъ
И нити жемчуга, и изумрудовъ, какъ трава, зеленыхъ,
Коралловыя вѣтки, ты подумаешь: пучина моря,
Утративъ всѣ свои сокровища, лишь воду сохранила!

29. Вѣрная жена въ разлукѣ съ мужемъ не должна заботиться о своей наружности и заплетаетъ волосы въ одну косичку, которую можетъ расплести только самъ супругъ по возвращеніи: ср. II, 28, 29, на что здѣсь дѣлается какъ бы „предварительный“ намекъ.

30. Легендарный царь Удаяна, властитель народа Ватса (его столица была Каушамби къ сѣв. отъ Аллахабада), похитившій принцессу Васавадатту, дочь царя Прадьюта-Чандамахасена, властителя Уджаини. Легенда объ ихъ приключеніяхъ давала обильный матеріалъ поэтамъ и составляетъ также основную рамку для „индійскаго Декамерона“, сборника „Катхасаритсагара“ кашмирскаго писателя Сомадэвы (XI в. по Р. Х.). Въ недавно открытой драмѣ предшественника Калидасы, знаменитаго Бхасы (ср. примѣчаніе на стр. 7 вступительной статьи) озаглавленной „Сонъ Васавадатты“ (Svapnavāsavadatta) изображается дальнѣйшій эпизодъ: женитьба Удаяны на второй „главной женѣ“, Падмавати, принцессѣ Магадхійской.

31. Шипра, тоже притокъ Чамбала, протекающій близъ Уджаини

31b.

Тамъ царь Удайна прелестную похитилъ дочь Прабьоты,
Изъ вѣтокъ пальмы золотой его бесѣдка тамъ стояла
И въ бѣшенствѣ исторгнулъ изъ земли свой столбъ слонъ Налагири,
А жители гостей разсказами объ этомъ забавляютъ.

31c.

Тамъ кони состязаются съ зелеными конями солнца,
Какъ горы велики слоны: съ висковъ ихъ потъ, какъ дождь, струится.
А воины-храбрецы, что съ исполиномъ Раваной сражались,
Слѣды его меча на тѣлѣ обнаженномъ выставляютъ.

32.

Несущимся изъ оконъ ароматомъ отъ волосъ упившись
И пляскою павлиновъ дружески кричащихъ насладившись,
Лети бодрѣй, прійдя въ восторгъ отъ зрѣлища террасъ дворцовыхъ,
Украшенныхъ цвѣтами и слѣдами краски женскихъ ножекъ.

33.

Какъ передъ синей шеей Шивы, предъ тобой склонятся Ганы,
А ты къ святой обители Владыки трехъ міровъ направься:
Баюкаетъ сады тамъ вѣтерокъ съ Гандхавати душистый
Отъ лотосовъ и волнъ, гдѣ жепщины купаньемъ забавлялись.

31 а, б, с хоть и обозначены у Маллинатхи, какъ „вставки“, но все же комментируются имъ. Этотъ нѣсколько перегруженный „Бедеръ для Уджани“ очевидно имитируетъ и превосхищаетъ фантастическую картину Алаки (II, 1—11). Цвѣтъ коней, везущихъ колесницу Солнца, по индѣйской традиціи—зеленый.

33. Гандхавати (т. е. душистая) вѣроятно одинъ изъ притоковъ Шипры или ближайшихъ озеръ, одно изъ которыхъ, по словамъ Дейссена (I. с.) до сихъ поръ такъ называется.

Ганы—гении составляющіе свиту Шивы и его сына, бога мудрости, Ганеши. Шея Шивы посинѣла послѣ того, какъ онъ по просьбѣ остальныхъ боговъ ради спасенія всего міра выпилъ страшный ядъ, всплывшій со дна океана „взбитаго“ богами, дабы при его бурленіи получить 14 знаменитыхъ сокровищъ, въ числѣ которыхъ были и напитокъ безсмертія (amṛta, ἀμβροσία), корова Сурабхи (см. I, 45).

34.

Когда б ни прибылъ ты, о другъ мой, въ Махакала, долженъ выждать
Пока не скроется отъ глазъ твоихъ за небосклономъ солнце.
Удары барабана при вечернемъ славословьи бога
Торжественнымъ замѣнишь громовымъ раскатомъ къ вящей славѣ.

35.

Звения при пляскѣ поясами баядерки, опустивши
Подъ тяжестью священныхъ опалилъ въ изнеможеніи руки,
Тебѣ гирлянды взоровъ, черныхъ пчелокъ, бросая въ благодарность:
Ты раны имъ омылъ, слѣды ногтей любовниковъ горячихъ!

36.

Потомъ свернувшись шаромъ надъ руками бога, какъ надъ рощей.
И вспыхнувши китайскихъ розъ румянцемъ, краше зорь вечернихъ,
Слона окровавленную замѣнишь шкуру въ пляскѣ Шивы
И яснымъ благодарнымъ взоромъ будешь награжденъ богини.

37.

Когда по Царской улицѣ во мракѣ непроглядномъ въ полночь
Спѣшать къ любовнику въ его жилище женщины со страхомъ,
Ихъ вспышкой молнии озари, какъ золотой чертой по камню.
Но воздержись отъ грома и дождя: онѣ вѣдь боязливы.

34. Махакала-святилище Шивы, близъ Уджаини, было очень популярно, см. въ романѣ „Похожденія 10 принцевъ“ Дандина (VI в. по Р. Х.). Молитва три раза въ день, утромъ, въ полдень и вечеромъ, обязательна для правовѣрнаго брахманиста; въ храмахъ и святилищахъ она сопровождается пѣніемъ, инструментальной музыкой и пляской (ср. I, 35, 56).

35. Царапины и укусы—обязательный элементъ индійской „любобной науки“. См. „Камасутра“ Ватсьяны. II часть, глава 10, 11. „Знатоки“ умѣли „выцарапывать“ даже особые узоры, какъ то: полумѣсяць, тигровый коготь, павлинья лапка, заячій прыжокъ, лепестки лотоса и т. д.

36. Шива изображается съ 4 или 8 руками, воздѣтыми кверху. Каждый вечеръ онъ пляшетъ неистовый танецъ собственнаго изобрѣтенія вмѣстѣ со своей супругой Гаури (она же Бхавани, Кали, Парвати, Дурга) держа въ рукахъ окровавленную шкуру убитаго имъ слона. Богиня не любитъ этого и поэтому очень рада, если Шива на этотъ разъ вмѣсто окровавленной шкуры по ошибкѣ схватитъ облако цвѣта китайской розы (japâ-pushpa=rosa cinensis).

37. „Царская улица“ (ср. II, 9) имѣлась въ каждомъ городѣ, какъ въ Италіи въ каждомъ городѣ есть свой „corso“.

38.

Проведши ночь на кровлѣ дома, гдѣ и голуби уснули,
Съ супругой-молнѣй, отъ сверканья непрерывнаго уставшей,
Съ восходомъ солнца снова долженъ снарядиться ты въ дорогу:
Исполнить порученье долженъ тотъ, кто общался другу.

39.

Разгнѣваннымъ любовницамъ подъ утро осушаютъ слезы
Любовники утѣхами: нельзя скрывать отъ нихъ лучъ солнца!
Небесный свѣточъ самъ росу осушить на цвѣтахъ лилеи.
Коль заградишь пути его лучамъ, погибнешъ жертвой гнѣва!

40.

Прекраснымъ обликомъ своимъ, какъ въ зеркалѣ, ты отразишься
Въ прозрачныхъ, ясныхъ, какъ спокойная душа, волнахъ Гамбхиры.
Ея улыбокъ, свѣтлыхъ словно лотосъ, рѣзвыхъ, словно рыбки,
Что прыгаютъ въ водоворотѣ, ты не отвергай сурово!

41.

Сорвавъ покровъ воды лазурный, стиснутый бамбукомъ гибкимъ —
Ея руками, оголивши бедра берега крутого,
Ты врядъ ли, другъ мой, опустившись сможешь сразу вновь подняться:
Покинуть обнаженную кто сможетъ, разъ вкусилъ усладу?

42.

Но тихо понесетъ тебя по направленію къ Девагири
Прохладный вѣтеръ, что даетъ созрѣть плодамъ лѣсныхъ смоковницъ.
Несетъ онъ ароматъ земли, упившейся твоею влагой;
Имъ упиваются слоны, ноздрями радостно вдыхая.

38. Намекъ на „флиртъ“ облака со своей женой-молніей.

39. Дневной лотосъ—любовница солнца.

40. Гамбхира тоже притокъ Чамбала, на зап. отъ Уджаини.

42. Дикая смоковница (udumbara)—*figus glomerata*.

Девагири—вѣриѣ всего нынѣ Деогаръ немного сѣвернѣе линіи Уджаини-Бхильса.

43.

Потомъ ты превратись въ цвѣточный дождь и надъ жилищемъ Сканды
Излей потокъ цвѣтовъ, обрызганныхъ водой небесной Ганги.
Вѣдь весь свой жаръ и блескъ, что ярче солнца свѣта, самъ Владыка
На мѣстѣ томъ въ огонь излилъ, дабы спаслося царство Индры.

44.

Раскатомъ грома, гулко между горъ пронесшимся, заставишь
Плясать павлина, друга Сканды. Мѣсяцъ Шивы отразился
Въ его глазахъ; когда жъ перо съ глазкомъ онъ изъ хвоста теряетъ,
Для сына Гаури вмѣстѣ съ лотосомъ перо—серьгу вдѣваетъ

45.

Почтивъ рожденного межъ камышами, продолжай дорогу:
Вѣдь Сиддхи съ лютнями, боясь дождя, отступятъ предъ тобою.
Но преклонись предъ рѣчкой, воплощеньемъ славы Рантидевы,
На мѣстѣ томъ, гдѣ приносилъ онъ въ жертву дочерей Сурабхи.

46.

Черпни изъ ней воды, склонившись низко, смуглый словно Кришна.
И небожителей четами на землю взоры опустившимъ
Широкая рѣка издалека покажется преузкой:
Какъ будто нитка жемчуга съ большимъ сапфиромъ посрединѣ.

43—44. Превращеніе облаковъ въ цвѣты, ниспадающіе съ неба на головы боговъ—героевъ, популярное вѣрованіе у индусовъ. Индійскій Марсъ, богъ войны Сканда (онъ же Картикейя, Кумара) сынъ Шивы, рожденъ безъ матери: Шива бросилъ свой „блескъ“ (*semen geminale*), ср. *Deussen. Geschichte der Philosophie*, I, 2, s. 263) въ огонь; тотъ передалъ его водамъ Ганги, откуда 6 нимфъ Криттика (т. е. созвѣздіе Плеядъ) извлекли новорожденного „межъ камышами“ бога и воспитали его, какъ сына. Сканда, святилище котораго лежало близъ Девагири, изображался съ 6 головами, 12 глазами и руками, держащимъ лукъ и вѣдущимъ верхомъ на павлинѣ, своемъ любимцѣ. Богиня Гаури относится къ нему съ материнской нѣжностью.

45—46. Чарманвати (нынѣ Чамбалъ) притокъ Ямуны (Джумны). Рантидева, мифическій царь Дашяпура (нынѣ Дхольпуръ), 6-й изъ династіи Бхаратидовъ, неопи-суемо богатый, принесъ въ жертву столько коровъ, что кровь стекавшая съ ихъ кожи (по санскритски *чарманъ*) образовала рѣчку Чарманвати (т. е. кожанная). Сурабхи „божественная корова“ (ср. I, 33) разсматривается, какъ прародительница всѣхъ коровъ.

47.

Переступивъ черезъ нее, своею красотой возбудишь
Восторгъ въ игривыхъ взорахъ любопытныхъ женщинъ Дашяпура:
Глаза ихъ бѣгають, какъ серны пестряя, рѣсницы вскинувъ,
И рѣютъ взоры изъ-подъ ланъ-бровей, какъ пчелки надъ жасминомъ.

48.

Вступивши въ Брахмаварта, осѣнить своею можешь тѣнию
То поле, гдѣ погибли воины и сражались Куруиды,
Гдѣ Арджуна потоки острыхъ стрѣлъ излилъ героямъ славнымъ
На головы, какъ ты дождя струями лильи заливаешь.

49.

Мой другъ, склонись и предъ священными водами Сарасвати:
Склонился передъ ними и самъ Плугоносецъ, что изъ дружбы
Отъ битвы удалился, и вино оставивъ, и Ревати.
Напившись ты очистишься и будешь чернымъ лишь снаружи.

50.

Приблизься возлѣ Канакхала къ дочери Джахну, снизошедшей
Съ вершины царственной горы и воскресившей Сагаридовъ.
Она, какъ бы смѣясь надъ гнѣвомъ Гаури, пѣнясь устремилась
Обнять волнами мѣсяцъ на челѣ ея супруга—Шивы.

48. Брахмаварта или Курукшетра, священная для брахманизма по религиознымъ и мифологическимъ традиціямъ мѣстность къ сѣв. отъ Дѣли, между рѣками Гангой и Сарасвати; здѣсь же возлѣ Тханесара мѣсто легендарной богатырской битвы между Куруидами и Пандуидами, окончившейся побѣдой послѣднихъ, описанной въ „Махабхаратѣ“. Арджуна, третій изъ 5 братьевъ, сыновей Панду, другъ Кришны, обладалъ чудеснымъ лукомъ Гандива, полученнымъ отъ бога Индры.

49. Баларама или Баладева, старшій братъ Кришны (предводители племени Ядава въ „Махабхаратѣ“), употреблявшій вмѣсто оружія свой плугъ „Лангали“, откуда и его прозвище „Плугоносецъ“, пожелалъ остаться нейтральнымъ въ битвѣ между Куру и Панду. Онъ очень любилъ выпить, но отказавшись отъ участія въ битвѣ оставилъ и вино, и свою жену Ревати, и удалился на берега священной р. Сарасвати, очищающей отъ всѣхъ грѣховъ.

50. Канакхала, нынѣ Канкхалъ, близъ Хурдвара, знаменитаго мѣста паломничества у южнаго склона Гималаевъ; см. его описаніе Gordon Cunnning. In the Himalayas, London. 1901, p. 519—546.

Мнѣ о сошествіи Ганги (по санскр. Ганга, ж. р.) съ небесъ разсказанъ въ „Рамаянѣ“ (I, 38—44): некогда царь Сагара, изъ Солнечной династіи, парившей

51.

Когда упершись въ небо, словно слонъ Айравата, захочешь
Напиться изъ нея воды прозрачной, какъ хрусталь, и чистой,
И тѣнью затемнишь ея поверхность, можно будетъ думать,
Что Ганга здѣсь причудливо соединилась вновь съ Ямуной.

52.

Къ истокамъ Ганги прилетѣвъ, къ горѣ бѣлѣющей снѣгами
Съ утесами душистыми отъ мускуса газелей горныхъ,
Прильнешь къ вершинѣ, чтобы отдохнуть отъ странствій, и предстанешь,
Какъ черный комъ, рогами бѣлаго быка Владыки взрытый.

53.

Когда въ горахъ лѣсной пожаръ, отъ тренья деодаровъ въ вихрѣ
Начавшись, опалить быкамъ хвостовъ пушистые султаны,
Ты долженъ затушить его скорѣй, заливъ дождя струями;
Богатство—сила сильныхъ, коль утѣшило оно безсильныхъ.

въ Айодхьѣ, имѣвшій 60000 сыновей, собирався въ сотый разъ совершить великій обрядъ „жертвоприношенія коня“ (asvamedha). Но этого сотаго коня, припасеннаго для жертвы, похитилъ богъ Индра и скрылъ его въ подземномъ царствѣ. Царь Сагара повелѣлъ всемъ своимъ сынамъ отыскать коня; не найдя его нигдѣ на землѣ, они начали рыть землю и въ преисподней натолкнулись на стоявшаго подлѣ коня святаго аскета-мудреца Капила, погруженнаго въ созерцанье. Потревоженный Капила однимъ своимъ гнѣвнымъ взглядомъ сжегъ всѣхъ Сагаридовъ. Много тысячъ вѣковъ спустя одинъ изъ потомковъ Сагары, царь Бхагиратха своими аскетическими подвигами добился того, что боги позволили небесной рѣкѣ Гангѣ спуститься на землю, оросить и освятить своею водою прахъ Сагаридовъ, которые смогли теперь сразу попасть на небо. Но такъ какъ Ганга не могла сразу прикоснуться къ землѣ, то Шива подставилъ ей свою голову, чѣмъ возбудилъ ревность своей супруги Гаури. Протекая дальше по землѣ Ганга потревожила аскета Джахну; тотъ въ гнѣвѣ проклялъ ее и выпилъ всю ея воду; но потомъ смягчился и „родилъ ее вновь“, изливъ черезъ свое ухо; отсюда эпитетъ Ганги „дочь Джахну“.

51. Ямуна (Джумна) соединяетъ свои мутныя волны съ прозрачными струями Ганги близъ древней Праяга (нынѣ Аллахабадъ), и дѣлаетъ ихъ темными; такой же свѣтовой эффектъ произведетъ и тѣнь облака.

52. Гималайскій хребетъ (Himālaya — обитель снѣга), считается также отцомъ Ганги. Быкъ Нанди, любимецъ Владыки-Шивы, ослѣпительно бѣлаго цвѣта (ср. I, 58)

53. Деодары или индійскія сосны (*Pinus longifera-deodora*) растутъ лишь на высотѣ отъ 6 тыс. футовъ, ихъ санскритское названіе devadāru (божественное дерево), sarala.

Заключительную сентенцію въ духѣ альтруистической морали ср. съ стихами Бхартрихари (Nītiśāstra, 74, 75 по бомбейскому изданію Гопинатха).

54.

И если устремятся на тебя свирѣпыя шарабхи,
А ты свернешь съ пути внезапно, ихъ погибель неизбѣжна.
Ужъ лучше отгони ихъ прочь и громомъ, и дождемъ, и градомъ:
Презрѣнъ да будетъ потерпѣвшій нападаая неудачу!

55.

Тамъ на скалѣ увидишь слѣдъ стопы священной Шивы. Сиддхи
Предъ нимъ склоняются въ моленьяхъ неустанно. Слѣдуй ихъ примѣру!
Кто съ вѣрой подойдетъ къ нему, тотъ отъ грѣховъ уже очищенъ;
По разрушеніи жъ тѣла ждетъ его удѣлъ блаженный Гановъ.

56.

Бамбукъ, когда въ него проникнетъ вѣтеръ, зазвучитъ пріятно,
Кимнаровъ жены будутъ воспѣвать побѣду надъ Трипурой.
Коль громомъ ты забарабанишь мягко между скалъ священныхъ,
Владыка насладится музыкой и пѣньемъ своихъ вѣрныхъ.

57.

Взглянувъ на эти чудеса на снѣжныхъ склонахъ Гималая,
Лети на сѣверъ, какъ фламинго, горнымъ переваломъ Краунча,
Что проложилъ сынъ Джамадагни. Узкой полосой извившись,
Ты темной Вишну уподобишься стопѣ, сразившей Бали.

54. Шарабхи—мифическія животныя въ родѣ оленя съ 8 ногами, враги льва и слона.

56. Кимнары—мифическія существа изъ „музыкальной свиты“ Куверы, съ человѣческимъ туловищемъ и лошадиной головой. Трипура, сынъ Бали, 1000-рукій исполинъ нѣкогда побѣжденный Шивой, который теперь въ своемъ святилищѣ Канакхала, хранителемъ слѣдъ его священной стопы, наслаждается „концертомъ“ (sangitām), полнымъ „индійскимъ ансамблемъ“: пѣніе, духовые (бамбукъ) и ударные (громъ) инструменты.

57. Сынъ Джамадагни т. е. Парашу-Рама (Рама съ сѣкирой) изъ древняго жреческаго рода Бхригу, непримиримый врагъ касты кшатріевъ (воиновъ), считающійся тоже однимъ изъ воплощеній Вишну, какъ и Рама, съ которымъ онъ даже встрѣчается (Raghuvansa, XI, 68—94). Сказаніе о Джамадагни, его женѣ, убитой и воскрешенной, и ихъ покорномъ сынѣ дало мотивъ для второй пьесы въ „поэтической трилогіи“ Гёте: „Paria“ (Des Paria Gebet. Legende, Dank des Paria), законченной въ 1823 г. послѣ 30 лѣтней обработки, см. *Haberlandt. Der altindische Geist*, (Leipzig. 1882) «Goethe's Indische Legenden» Желая помочь въ великой битвѣ Пандуидамъ

58.

Пройдешь и станешь гостемъ зеркала богинь, горы Кайласа,
Что Равана многоголовый тщетно сокрушить пытался.
Вершинами, какъ лотосъ бѣлыми, она уходитъ въ небо,
Сверкая словно отъ вѣковъ застывшій бѣлый хохотъ Шивы.

59.

Предвижу зрѣлище: какъ будто темной краской умашенный,
Надъ бѣлой, словно клыкъ слона, вершиною горы поднявшись,
Очамъ отъ изумленья неподвижнымъ ты предстанешь дивно,
Какъ темный плащъ, облекшій плечи плугоносца Баларама.

60.

Когда самъ Шива, сбросивъ прочь змѣю—свое запястье, руку
Подастъ, чтобъ по «Горѣ забавъ» съ ней шествовать богинѣ Гаури,
Тогда согнись извивами, внутри себя сдержавши воду,
Ставь лѣстницей для восхожденья ихъ по ступенямъ алмазнымъ.

онъ покинулъ гору Кайласа, гдѣ жилъ ученикомъ у Шивы, и проложилъ себѣ черезъ Гималаи проходъ въ горѣ Краунча; вѣроятно всего подразумевается здѣсь проходъ Нити (свыше 16 тыс. ф.) наиболѣе близкій къ озеру Манаса. Бали, страшный демонъ, сынъ Прахлады и отецъ Трипуры, наводилъ ужасъ на всѣхъ боговъ. По ихъ просьбѣ Вишну воплотился въ видъ карлика и попросилъ у Бали „пространство въ 3 шага“. Исполнѣ согласился, а Вишну въ два шага прошелъ землю и небо, третьимъ же наступилъ на самого Бали и загналъ его въ преисподнюю.

58. Когда 10-головой демонъ—исполнѣ Равана, похитившій въслѣдствіи Ситу (см. I, 1)—въ своемъ высокомѣріи пытался унести вершину священной серебряной горы Кайласа, то Шива помѣшалъ этому: руку Раваны прищемили уступы горъ и 2000 лѣтъ не выпускали.

Образцами „идеальной“ бѣлизны у Индусовъ считались (см. Дандинъ, *Daśakūṭāgacāritam*, I глава „Вступленія“): осенній мѣсяцъ, жасминъ, камфора, иней, жемчугъ, лотосъ, лебедь, слонъ Айравата, молоко, гора Кайласа и громкій хохотъ Шивы. Если для насъ странно звучитъ „бѣлый смѣхъ“, то для индуса вѣроятно странно „красный смѣхъ?“.

59. Баларама (ср. I, 49) въ отличіе отъ своего брата, темнокожаго Кришны (т. е. чернаго), самъ свѣтлокожій, но носить темный плащъ.

60. Шива носитъ, какъ запястье, змѣю, чѣмъ смущаетъ свою супругу Гаури, ради которой онъ снимаетъ это украшеніе передъ прогулкой на „спортивной площадкѣ“ (*kṛīḍa-śaīla*), составлявшей принадлежность всякаго дворцоваго парка (ср. II, 14). Чтобы судить, какое благоговѣніе вызываетъ этотъ стихъ у современнаго образованнаго индуса, ср. *Rangacharia A critical appreciation of Kalidasa's Meghasandeha*. (Madras, 1910), p. 55—6: „The display of the tender considerateness and magna-

61.

Богини юныя, запястій остріемъ тебя пронзивши
И воду дождевую выпустивъ, купаться въ ней затѣютъ.
Но если, другъ, онѣ тебя въ жару въ покоѣ не оставятъ,
Забавницъ напугай, ихъ уши оглушивъ раскатомъ грома.

62.

Изъ Манаса, гдѣ золотые лотосы цвѣтутъ, напейся,
Слону Айравата на мигъ уста любезно прикрывая
И листья Кальпа, словно шелковыя ткани, раздувая,
Играя наслаждайся видомъ исполина Гималая.

63.

Къ его груди Алака, какъ къ любовнику, прильнула, сбросивъ
Къ ногамъ свою одежду—Гангу. Другъ мой, ты вѣдь ихъ узнаешь!
Надъ башнями ея дворцовъ грядами облака витаютъ:
Такъ сѣткой нити жемчуга красавицъ кудри украшаютъ.

nimous chivalry of Civa, the Father of the Universe, in relation to Gauri, His Divine Spouse and the Mother of the Universe, is indeed as charming here as the suggested beauty and splendour of the crystalline Kailasa; and it is no less charming to observe the scope and manner of the service which the moving cloud-messenger is directed to render with religious devotion and reverence to the Great Parents of the Universe“.

61. Лѣтняя жара не располагаетъ къ „флирту“, а потому Облако-вѣстникъ отклонить заигрыванья небесныхъ красавицъ Апсарасъ, „божественныхъ гетеръ“.

62. Дерево Кальпа т. е. „пожелай-дерево“, растущее въ небесномъ паркѣ Индры даетъ вмѣсто плодовъ все, что у него попросить (ср. II, 11).

63. Алака, чудесная резиденція Куверы въ царствѣ Якшей, подробно описываемая II, 1—11, здѣсь сравнивается съ любовницей; ея любовникъ—гора Кайласа, откуда беретъ начало Ганга, какъ бы составляющая одѣяніе Алаки, сброшенное ею къ своимъ ногамъ

II часть (Uttaramegha).

1.

Въ дворцахъ тамъ все съ тобой соперничать достойно: съ блескомъ
молній —

Красавицы, а съ радугой—картины, звуки барабана
И пѣнье—съ низкимъ мягкимъ громомъ, ихъ алмазныя площадки—
Съ твоей водой прозрачной, съ высотой—заоблачныя башни.

2.

Въ рукахъ красавицъ—лотосы; въ кудряхъ — гирлянды изъ жасмина;
Отъ пыльцы пышноцвѣтныхъ лодхра блѣдность ихъ лица прелестна;
Цвѣты куравака — на головахъ, въ ушахъ—сириша свѣжій,
На темени же—нипа, распустившійся съ твоимъ прибытьемъ.

2а.

Тамъ вѣчно въ опьянѣнны рѣютъ пчелы вкругъ деревъ цвѣтущихъ,
И вѣчно лотосы цвѣтутъ въ кругу изъ вереницъ фламинго,
И вѣчно распустивъ блестящій хвостъ кричатъ павлины,
И вѣчно полная луна чудесно освѣщаетъ ночи.

2б.

Тамъ только слезы радости въ очахъ сверкаютъ, не печали,
И только жаръ любви знакомъ: его свиданьемъ утоляютъ.
И только ссора служить поводомъ къ разлукѣ для влюбленныхъ,
И только возрастъ юности извѣстенъ подданнымъ Куверы.

II.

1. Максъ Мюллеръ перифразируетъ эту одну стансу двумя „da die indische Kürze der Construction hier unnachahmlich ist“.

2. Въ этой волшебной странѣ жены Якшей имѣютъ одновременно цвѣты всѣхъ 6 сезоновъ: kuravāka (*Gomphraeria globosa*), красный амарантъ—весною (*vasanta*), *çirisa* (*Mymosa sirisa*)—лѣтомъ (*grishma*), *nîpa* (*Nauclea kadamba*)—въ дожди (*varsha*), *kamala* (*Nelumbium*)—осенью (*çarad*), *lodhra* (*Symplocos racemosa*)—зимой (*hemanta*), *kunda* (*Jasminum multiflorum*)—ранней весною (*çiçira*); ср. I, 2.

2 а, б, с обозначены Маллинатхой, какъ „вставные“, но комментируются имъ и написаны очень эффектно.

3.

Тамъ встрѣтившись съ красавицами на террасахъ изъ хрусталя,
Прозрачныхъ и расцвѣченныхъ чудесно звѣздъ сіяньемъ, Якши
«Вино любви» вкушаютъ, этотъ даръ волшебный древа Кальпа.
Пріятно низкимъ громомъ замѣни имъ звуки барабана!

4.

Тамъ дѣвы весело съ бессмертными играютъ; влажно свѣжій
Съ небесной Ганги вѣтерокъ ихъ овѣваетъ; пріютившись
Отъ солнца въ тѣнь прохладную деревъ прибрежныхъ, вмѣстѣ ищутъ
Здѣсь камни драгоценные, въ песочкѣ золотомъ ихъ скрывши.

5.

Тамъ красногубыя, когда любовникъ страстный дерзновенно
Сорветъ рукой кушакъ и сброситъ шелковую ткань съ ихъ тѣла,
Стыдливо прячась, чтобы затушить алмазныя лампы,
Какъ жаръ горящія, бросаютъ въ нихъ напрасно горсть сандала.

6.

Тамъ облака, приподнятыя вѣтромъ до вершинъ дворцовыхъ,
Струями свѣжей влаги дождевой испортивши картины,
Потомъ какъ бы въ испугѣ чрезъ рѣшетки оконъ вылетаютъ:
Подобно дыму превратятся въ паръ и въ воздухѣ растаютъ.

7.

Тамъ лунный камень, направленный въ окошко, влагу источаетъ
Въ полночный часъ, коль путь ему ты болѣе не заграждаешь,
При лунномъ свѣтѣ каплями тѣла красавицъ освѣжаетъ,
Когда онѣ отъ страстныхъ ласкъ любовниковъ изнемогаютъ.

3. Своего рода „любовный напитокъ“; *rati-phalam*—любви плодъ.

4. Ганга въ своемъ небесномъ теченіи зовется Мандакини.

5. Современная парафраза была бы: „посыпаютъ пудрой электрическія лампы“.

6. Объ индійской живописи и скульптурѣ см. прекрасную роскошно изданную книгу *E. B. Havell. Indian sculpture and painting. London 1906.*

7. Лунный камень (*candra-kānta*) будто бы вбираетъ въ себя лучи мѣсяца, а потомъ источаетъ ихъ въ видѣ холодныхъ капель.

8.

Тамъ каждый день спѣшать, несмѣтными богатствами владѣя,
Любовники съ небесными красавицами въ садъ Вайбхраджа
И съ ними въ разговоръ вступаютъ; а Кимнары сладкогласно
Въ то время славу и сокровища Куверы воспѣваютъ.

9.

Тамъ путь ночной любовницъ угадаешь при восходѣ солнца:
Усѣянъ онъ скатившимися на бѣгу съ кудрей цвѣтами
И золотыми лепестками лотосовъ съ ушей упавшихъ,
И жемчугомъ разорванныхъ надъ ихъ грудями ожерелій.

10.

Тамъ часто Шива, другъ Куверы, обитаетъ. Зная это
Туда свой лукъ и тетиву изъ пчель принесть не смѣетъ Кама.
Но ихъ игривыя красавицы глазами замѣняютъ:
Искусно хмура брови всѣмъ любовникамъ сердца пронзаютъ.

11.

Тамъ дерево волшебное одно всѣмъ женщинамъ даруетъ
Одежды пестрыя, вино, что зажигаетъ страстью очи,
Бутоны и расцвѣтшіе цвѣты, всѣ украшенья сразу,
И краску, красный лакъ, для ножекъ ихъ, какъ лотосы прекрасныхъ.

12.

Тамъ отъ дворца Куверы къ сѣверу увидишь и мой домикъ:
Онъ радугой-вратами издали блистаетъ, лукомъ Индры;
А рядомъ наше деревце мандара, какъ ребенокъ милый
Взращенный милою моею, подъ тяжестью цвѣтовъ поникши.

8. Современная парафраза: „Донъ Жуаны—Якши идутъ гулять въ городской паркъ съ небесными кокетками“.

10. Кама, индійскій Купидонъ, богъ любви, тоже вооруженъ лукомъ и поражаетъ стрѣлами сердца. Его лукъ и стрѣлы изъ цвѣтовъ, а тетива—вереница пчель. Онъ очень боится Шивы, такъ какъ тотъ нѣкогда своимъ гнѣвнымъ взглядомъ обратилъ Каму въ пепель за то, что богъ любви, по просьбѣ остальныхъ боговъ, запуганныхъ демономъ Тарака, пытался поразить своей стрѣлой Шиву, дабы возбудить его любовь къ дочери Гималай Парвати (она же Дурга, Гаури и т. д., ср. I, 36), ибо только отъ нихъ могъ родиться богъ, который одолѣетъ Тараку. Шива произвелъ на свѣтъ, но не обычнымъ способомъ, Сканду (ср. I, 43); см. „Происхожденіе бога войны“ (Kumârasambhava) Калидасы, пѣснь III. Потомъ Шива позволилъ Каму породиться лишь по усиленной просьбѣ его супруги Рати.

12. Mandâra (*Erythrina indica*)—Коралловое дерево.

13.

При домѣ прудъ, ступеньками изъ изумруда обрамленный,
Златыми лотосами на топазныхъ стебелькахъ укрытый.
Въ его водахъ живутъ фламинго безмятежно и не вспомнать
О дивномъ недалекомъ Мана́са, когда тебя увидать.

14.

На берегу «Гора забавъ»; ея вершина изъ сапфировъ,
Оградой дивной окруженная изъ золотыхъ банановъ.
Любимицу моей жены, ту горку, я несчастный вспоминаю
При взглядѣ на тебя, о другъ, когда ты молніей сверкаешь.

15.

Изъ лианъ бесѣдка тамъ съ рѣшоткой изъ куравака цвѣтущихъ,
Ашока красный и прелестный кесара растутъ предъ нею.
Одинъ со мною вмѣстѣ жаждетъ чудной ножки моей милой,
Другой—упиться нѣжныхъ устъ ея прикосновеньемъ сладкимъ.

16.

Межъ ними шесть изъ золота, подъ нимъ площадка изъ хрусталя.
Онъ снизу весь изубранъ изумрудомъ, какъ бамбукъ зеленымъ.
И вечеромъ павлинь, пріятель твой, на немъ усѣвшись пляшетъ,
Когда въ ладони бьетъ, звеня запястьями, моя подруга.

13. Фламинго и журавли всегда стремятся на сѣверъ, въ горы; ср. у современнаго уже прославленнаго и въ Европѣ индійскаго поэта *Rabindranath Tagore*. *Gitanjali* (Songofferings), a collection of prose translations made by the author from the original bengali. (London 1913), p. 94: Like a flock of homesick cranes flying night and day to their mountain nests let all my life take its voyage to its eternal home...". Въ бенгалійскомъ подлинникѣ (*Gitanjali*, 148) буквально „словно фламинго стремящіеся къ Мана́са“.

15. Эти два растенія: ашока (*Ionesia asoka*), *kesara-bakula* (*Rottleria tinctoria*) связаны у индусовъ съ повѣртіями о „похоти“ различныхъ растений, которыя для своего расцвѣта требуютъ человѣческаго участія; ашока расцвѣтаетъ лишь тогда, когда красавица прикоснется къ нему своей ножкой, а кесара—когда она обдастъ его виномъ изъ собственного рта.

17.

Храня въ душѣ примѣты эти, другъ, конечно ты признаешь
(Надъ дверью лотоса и раковины есть изображение)
Мой домъ, хотя и выглядит онъ безъ хозяина уныло:
Такъ увядаютъ по заходѣ солнца лотосы дневные.

18.

Тотчасъ, для скорости, слона принявши обликъ молодого,
На той «Горѣ забавъ» прелестной, мной описанной, спустившись,
Ты долженъ осторожно заглянуть внутрь дома молнии вспышкой,
Какъ будто вереницей свѣтлячковъ, проникшихъ чрезъ окошко.

19.

Стройна, смугла, съ зубами острыми и алыми губами,
И съ узкимъ станомъ, но глубокимъ лономъ, съ быстрымъ взглядомъ серны,
Съ походкой медленной тяжелыхъ бедръ и съ полными грудями,
Она среди красавицъ міра—первое созданье Брахмы!

20.

Она молчитъ. Ее, мою вторую жизнь, узнать ты долженъ:
Со мной разставшись бѣдная тоскуетъ, точно чакравака.
Отъ скорби тяжелой тяжело гнетущихъ дней, конечно,
Она поблекла, думаю, какъ ліана осенью ненастной,

21.

Отъ горькихъ непрерывныхъ слезъ глаза припухли у бѣдняжки,
Отъ жаркихъ воздыханій ротикъ алый потерялъ румянецъ.
Лицо, на ручку опершись, почти закрыто волосами,
Теперь подобно мѣсяцу, когда его ты затуманишь.

17. Лотосъ и раковина принадлежить къ числу 9 сокровищъ Куверы, составляющихъ какъ бы его гербъ, начертанный на дверяхъ жилищъ его вассаловъ.

19. „Лоно“ вмѣсто „пупъ“ (ср. I, 28).

20 Чакравака (anas caesarea), символъ супружеской вѣрности: эта птичка навсегда осуждена ночью разлучаться съ самцомъ и жалостно кричать.

22.

Она, вотъ ты увидишь, либо совершаетъ приношенья,
Иль, обликъ исхудалый мой на память рисовать пытаюсь,
Распрашиваетъ канарейку въ клѣткѣ, что поетъ такъ нѣжно:
«Ты помнишь ли, о милая, хозяина? Тебя любилъ онъ»!

23.

Иль, можетъ быть, одѣвшись кое-какъ, къ груди прижавши лютню,
Едва настроивъ — отъ горючихъ слезъ намокли струны —
Пытаюсь пѣсню спѣть, гдѣ съ именемъ моимъ есть словъ созвучье,
Она напѣвъ, подобранный ужъ ею, снова забываетъ.

24.

Иль мѣсяцы до дня свиданья неистекшіе считаетъ:
У двери на порогѣ разложивъ цвѣты, по нимъ гадаетъ,
Иль, будто встрѣтилась со мной мечтая, сладость ощущаетъ:
Для женщинъ это все въ разлукѣ развлеченье составляетъ.

25.

Разлука днемъ еще не такъ мучительна за недосугомъ;
Но ночью, на досугѣ, думаю, мученья нестерпимы.
И въ полночь, другъ, когда она къ землѣ принавъ безъ сна страдаетъ,
Утѣшь ее: стань у окна и ободри моимъ привѣтомъ.

22. Въ примѣчаніяхъ къ изданію *Godbole-Parab: sârikâ*—a bird canary; по Уильсону: *gracula religiosa*. Начиная съ ст. 22 до 30 включительно по мнѣнію Маллинатхи, изображаются послѣдовательно всѣ 9 стадій, которыя полагается пережить влюбленнымъ страдающимъ въ разлукѣ, а именно: 1) задумчивость (*manas*), 2) тоска (*sangâ*); 3) рѣшимость, формулировка опредѣленнаго желанья (*samkalpa*), 4) безсонница (*jâgara*), 5) худоба (*kr̥ṣatâ*), 6) равнодушіе, притупленность (*vishayadvesha*), 7) потеря стыда (*lajjâtûyâga*), 8) безуміе, психозъ (*cittavibhṛāma*), 9) обморокъ, столбнякъ (*mūrcchana*). Каждой стадіи (*avasthâ*) соответствуетъ одна станса. Подробное и интересное по своей обстоятельности описаніе этихъ „стадій любви“ имѣется въ довольно поздней санскритской поэмѣ „*Naṭhayendra carita*“ поэта Харикави (XVII в.). Текстъ и нѣмецкій переводъ съ предисловіемъ изданъ Ѳ. Щербацкимъ (Зап. Имп. Ак. Наукъ. 1900 Спб.) стр. 86—96. Последней 10-й стадіей считается смерть отъ любви.

23. О музыкальной впечатлительности индусовъ и ихъ музыкѣ достаточно выразительно свидѣлствуетъ сцена въ знаменитой драмѣ „Глиняная тележка“ (*Mṛcchakatikâ*) вѣроятно VI в. по Р. Х., гдѣ герой Чарудатта возвратившись изъ концерта высказываетъ свое восхищеніе и даетъ оцѣнку пѣвца (актъ III, сц. 1). Возможно, что индійскія названья 7 нотъ: *sa, ri, ga, ma, pa, dha, ni, sa*, черезъ персовъ и арабовъ были занесены въ Европу, равно какъ и самое названіе «гама» (санскр. *grāma*); см. *Pischel. Geschichte der ind. Literatur*, s. 187 (хотя тамъ нѣтъ ссылки на мнѣнія специалистовъ-музыкантовъ). Этотъ вопросъ затронулъ уже давно *A. Weber. Indische Literaturgeschichte*. (Berlin. 1876) s. 291, 367—8.

26.

Одна на ложѣ, исхудалая, она серпомъ свернулась,
Какъ новый мѣсяцъ восходящій на востокъ, узкій, блѣдный.
И ночи, что со мной въ любви утѣхѣхъ мигомъ пролетали,
Теперь въ разлукѣ безконечно тянутся, лишь для печали!

27.

Тяжелыми отъ слезъ рѣсницами она безсильно хочетъ
Прикрыть глаза, открывшіяся было мѣсяцу на встрѣчу,
Его лучамъ прохладнымъ сквозь окно проникшимъ, по привычкѣ!
Они закрылись: спать она, иль нѣтъ... какъ лотосъ въ день туманный!

28.

Нависшія на щеки кудри, смытыя простой водою,
Откинувъ вздохомъ, изсушившимъ алыхъ устъ ея бутоны,
Сойтись со мной хоть въ грѣзахъ жаждетъ, жалостно ко сну зываетъ...
Но капли слезъ, заливъ глаза, теперь и снамъ путь преграждаютъ...

29.

Коса, что въ день разлуки ты сама сплела сорвавъ гирлянды,
Должна быть мной распущена, когда минуетъ срокъ проклятью.
Она узка, жестка и рѣжетъ щеку; судоржно рукою
Съ отросшими ногтями бѣдная ее пытается отбросить.

30.

Несчастная, всѣ украшенья снявъ, на ложе безпрестанно
Ложится и все мечется измученнымъ и хрупкимъ тѣломъ...
Навѣрно ужъ тебя пролить слезу горячую заставить!
Бываютъ жалостливы тѣ, кто сами слезы проливаютъ.

31.

Увѣренъ я, исполнено любви ко мнѣ ея сердечко
И первая разлука привела въ такое состоянье.
Не хвастаюсь, не назову себя счастливымъ безпричинно:
Ты скоро самъ увидишь все во-очью такъ, какъ описалъ я.

32.

Ея глаза, отвыкнувъ отъ вина, игру бровей забыли,
Забывъ и о втираньяхъ краски, подъ нависшими кудрями.
Но предъ тобою, думаю, моргнуть у черноокой вѣки,
Какъ вздрагиваетъ лотось, если потревоженъ рыбкой въ рѣчкѣ.

33.

И вздрогнетъ лѣвое бедро—оно бѣлѣй ствола банана—
Его, вкусивъ утѣхъ любви, ласкалъ и глаживалъ я часто...
Велѣньемъ рока лишено своихъ обычныхъ украшеній:
Слѣдовъ моихъ ногтей и нитей жемчуга не носить больше!

34.

Хранитель влаги! если милую уснувшюю застанешь,
Остановившись, громъ свой удержи хотя бѣ на четверть ночи!
Ея объятья, если ей приснилось со мной свиданье,
Да не расторгнуть мѣаны узъ своихъ съ возлюбленнымъ внезапно!

35.

Но тихимъ вѣтеркомъ, пропитаннымъ жасмина ароматомъ,
И каплями дождя подругу освѣжи и разбудивши
Начни бесѣдовать съ ней смѣло громомъ, придержавши молнию.
Она же будетъ пристально глядѣть въ окошко, гдѣ ты станешь.

32. Для всякихъ предчувствій, къ числу которыхъ относятся произвольныя подергиванья, миганья и т. п., для женщинъ лѣвая сторона—счастливая, правая—несчастливая, у мужчинъ же наоборотъ.

33. Насчетъ „царапинъ любви“ см. I, 35. Эти царапины, наносимыя „по правиламъ“ любовниками, должны служить напоминаньемъ о любви: *R. Schmidt. Beiträge zur indischen Erotik* (Leipzig. 1902) s. 484—496, приведены извлеченія изъ другихъ „учебниковъ любви“ кромѣ Ватсыяны, прелюбопытныя по своей педантичной обстоятельности и „философскимъ“ разсужденьямъ: „Когда любовники—специалисты пользуются ногтями, то это по истинѣ составляетъ квинтэссенцію бога любви. И нѣтъ иной причины безконечнаго счастья для мастеровъ любви“.—„При видѣ слѣдовъ удара ногтями на тѣлѣ мужчины или страстной женщины, даже у святого сердца содрогнется отъ страсти, тѣмъ болѣе у всякаго другого!“ (s. 495).

34. Четверть ночи или одна „стража“ (3 часа) считается, по „Кама-сутрамъ“ ~~наименьшимъ~~ срокомъ для непрерывныхъ „любовныхъ наслажденій“, даже при самомъ высокомъ темпераментѣ.

36.

— Супруга другъ стоитъ вблизи тебя; ты — не вдова, знай это!
И вѣсть о немъ я передамъ тебѣ, что сердцу онъ довѣрилъ.
Пріятноизкимъ громомъ тороплю я путниковъ усталыхъ,
Стремящихся скорѣе распустить далекимъ женамъ косы. —

37.

Она услышитъ это и, вздохнувъ отъ нетерпѣнья, взглянетъ,
Какъ Сита на посланца, сына Вѣтра, и почтивъ привѣтомъ
Дослушаетъ тебя, мой братъ! Для женщинъ получить извѣстье
О миломъ черезъ друга почти то жъ, что получить свиданье.

38.

Тогда для своего и моего успокоенья, братъ мой!
Ты скажешь: — Твой возлюбленный пріютъ нашелъ въ пріютѣ Рамы.
Онъ живъ и о твоёмъ здоровѣ жаждетъ получить извѣстье. —
(У всѣхъ подверженныхъ превратностямъ судьбы привѣтъ обычный!)

39.

— Отторгнутый судьбой онъ въ мысляхъ какъ бы сочетаетъ
Съ твоимъ худымъ свое съ тоски изсохшее худое тѣло,
Съ твоими жаркими слезами — тоже слезы, а съ печалью
И вздохами — свою еще сильнѣйшую печаль и вздохи. —

40.

— Коснуться твоего лица желая какъ-то при подругахъ,
Тебѣ сказалъ онъ тихо на ушко, что могъ сказать бы громко...
Теперь, когда тебѣ нельзя его ни видѣть, ни услышать,
Моимъ устами довѣрилъ онъ слова своей любви печальной. —

37. Сынъ вѣтра т. е. Хануманъ (ср. I, 1) явившійся съ вѣстью отъ Рамы къ Ситѣ, когда она была въ плѣну у Раваны.

41.

— «Твой гибкій станъ—въ изгибахъ ліанъ, твой взглядъ—у серны
боязливой,
Твой блѣдный ликъ—въ лучахъ луны, а пышность косъ—въ хвостѣ
павлина,
Въ волнахъ рѣки я узнаю твои нахмуренныя брови,
Вездѣ тебя, о пылкая! ищу, но возсоздать не въ силахъ»!

42.

«Тебя, во гнѣвѣ страстную, нарисовавъ на скалахъ камнемъ,
Себя лишь захочу изобразить къ ногамъ твоимъ припавшимъ...
Струятся слѣзы градомъ изъ очей и взоры омрачаютъ:
Злой рокъ и здѣсь осуществить свиданье намъ не разрѣшаетъ»!

43.

«Увидѣвъ образъ твой желанный, наконецъ, хоть въ сновидѣннѣ,
Я тщетно призракъ въ воздухѣ пытаюсь удержать руками.
Тогда лѣсныя божества не въ силахъ ужъ изъ сожалѣнья
Не оросить меня съ вѣтвей росы жемчужными слезами».

44.

«Когда домчится къ намъ на югъ прохладный вѣтеръ съ Гималая
Благоухая почками и свѣжимъ сокомъ деодаровъ,
Стремлюсь схватить, обнять его порывъ бодрящій ароматомъ!
Быть можетъ тамъ онъ обнималъ тебя, на сѣверѣ далекомъ»!

45.

«О еслибъ скоротать ужасные часы безсонной ночи,
Утишить жаръ палящій днемъ всегда... Его снести нѣтъ мочи!
Томится страстно сердце, быстроокая! но все напрасно!
Оно истерзано мучительной разлукой такъ ужасно»!

41. Начиная отъ этой стансы „вѣсть“ поручаемая Облаку-вѣстнику излагается въ первомъ лицѣ. Страдалецъ Якша доходитъ здѣсь до высшаго аффекта и эти стихи въ подлинникѣ великолѣпны. Манера такого „расчлененія“ описываемой красавицы очень употребительна и въ испанской драмѣ, напр. у Кальдерона, *El magico prodigioso* (Jorn. II, esc. 118), гдѣ Сипріано описываетъ красоту Хустины въ 40 стихахъ по аналогичному же способу и заканчиваетъ:

Son las partes que componen
A esta divina mujer.

46.

«О будущемъ усердно размышляя я приободряюсь.
Не приходи жъ въ отчаянье и ты напрасно, дорогая!
Ничей удѣлъ вѣдь не бываетъ сплошь счастливымъ или несчастнымъ:
Судьба бросаетъ насъ то внизъ, то вверхъ, какъ ободокъ колесный».

47.

«Когда со змѣя встанетъ спящій Вишну, конченъ срокъ проклятью!
Пока же проводи четыре мѣсяца смеживши очи.
За то потомъ, на волѣ, нашей страсти пылкія желанья
При лунномъ свѣтѣ утолимъ мы всласть въ тиши ночей прохладныхъ»!

48.

—Еще добавилъ онъ: «Ты помнишь, разъ прильнувъ ко мнѣ въ постели
Проснулась ты со стономъ и въ испугѣ слѣзы проливала?
И на мои распросы, наконецъ, отвѣтила съ улыбкой:
—Пригрезилось мнѣ, будто измѣнилъ ты мнѣ съ другой, коварный»!—

49.

«Извѣстью обо мнѣ теперь должна ты вѣрить безусловно,
Объ участи жъ моей не безпокойся! Лживо изреченье:
Разлука — смерть любви. Неправда! Кто въ разлукѣ не вкушаетъ
Съ возлюбленной своей утѣхъ любви, лишь пыль свой разжигаетъ»!

46. О „колесѣ фортуны“ см. еще въ Ригъ-Ведѣ, X, 117, 5:

Въ нуждѣ другому пусть поможетъ сильный,
На путь далекій въ будущемъ взирая:
Какъ колесо вертятся колесницы,
Идетъ богатство къ одному, къ другому.

47. Вишну почиваетъ на лонѣ „мірового змѣя“ во время дождливаго времени года и просыпается въ началѣ осени, самаго „любовнаго сезона“, когда прохладныя осеннія ночи особенно цѣнятся любовниками.

50.

Утѣшивъ милую, печальную въ своей разлукѣ первой,
Вернися съ той горы, гдѣ Шивы быкъ избороздилъ вершину.
Привѣтъ и вѣсти вѣрныя отъ ней доставивъ, ты спасаешь
Мнѣ жизнь столь нѣжную, какъ на разсвѣтѣ юный цвѣтъ жасмина.

51.

Ты не сказалъ мнѣ «да», мой другъ! Но я тебѣ повѣрю смѣло:
Сужу не по словамъ, но твоему вѣряясь благородству.
Безъ словъ испить воды своей даешь ты птичкѣ чакравака:
Не словомъ отвѣчаетъ благородный другу, а дѣлами!

52.

Изъ дружбы, иль изъ жалости ко мнѣ, несчастному въ разлукѣ,
жертвѣ рока,
Исполнивъ все, о другъ, о чемъ прошу я искренно и скромно,
Лети, о облако, въ желанныя края, дождемъ сверкая,
Съ своей возлюбленною — молнией ни на мигъ не разлучаясь!

50. Этотъ стихъ хотя комментируется и не отвергается Маллинатхой, но явно вставленъ и весьма неудачно, о чемъ очень рѣшительно высказался еще Gilde-meister въ латинскихъ примѣчаніяхъ къ своему изданію „Meghadûta“ (Bonnae. 1841), p. 52: *Prorsus enim inepte a tali nube poscitur ut redeat, neque haec scribere potuit is poeta, qui in versibus praecedentibus tam eleganter et ingeniose indicaverat, se nubem ne signo quidem neque sono respondentem fingere velle.*

52. Поэма, по правиламъ, должна кончаться намекомъ на счастливое будущее, добрымъ предзнаменованіемъ или пожеланіемъ, а потому благодарный Якша желаетъ и своему другу, Облаку-вѣстнику, никогда не разставаться со своею возлюбленною — молніей. Маллинатха цитируетъ изъ трактата „Sârasvâtâlamkâra“: *ânte kâvyasya nityatvât kuryâd âçisam uttamâm sarvatra vyâpyate vidvân nâyakeccbânurûpinîm.* Въ концѣ, ради долговѣчности поэмы, пусть (поэтъ) сдѣлаетъ наилучшее пожеланіе. Знающій (сіе поэтъ) убогаговоряется всячески — соотвѣтственно желанію ея героя.

Прилагаемая иллюстрація переснята съ одной изъ картинокъ въ краскахъ, сдѣланныхъ для «Мегхадуты» современнымъ замѣчательнымъ индѣйскимъ художникомъ Абаниндронатхъ-Тагоромъ. Она иллюстрируетъ текстъ I, 45,2: «Вѣдь Сиддхи съ лютнями, боясь дождя, отступать предъ тобою...» (Буквально: «Ты, передъ которыми освободятъ путь пары Сиддховъ съ лютнями изъ боязни водяныхъ капель...») Снимокъ сдѣланъ съ приложенія къ роскошному и цѣнному изданію *Havell. Indian sculpture and painting. London. 1908 (Plate 74)*, содержащему также три иллюстраціи на другія темы того же художника вмѣстѣ съ небольшою характеристикой этого реставратора въ области національной индѣйской живописи. Абаниндронатхъ принадлежитъ къ той же старинной и знатной индѣйской фамиліи Тагоровъ, которая дала Индіи рядъ выдающихся людей въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ (Paul Cremer. *Rabindranath Tagore. s. 8—9. Berlin. 1914. Der moderne Dichter, XI*) и увѣнчана нынѣ такой геніальной личностью, какъ находящійся теперь въ полномъ расцвѣтѣ силъ и творчества (род. въ 1861 г.) поэтъ-философъ — поэтъ-композиторъ Рабиндранатхъ Тагоръ.

П. Румтеръ.